А. Хромаджич

Окаменевшие волки

Издательство „Детская литература"

А. Хромаджич

Окаменевшие волки

Рисунки Г. Никольского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», МОСКВА 1967

Перевела с сербохорватского
ТАТЬЯНА ВИРТА

«Окаменевшие волки»—это лесная легенда о жизни и приключениях горного козла, по имени Серебрянко, о его вражде со свирепыми братьями-волками. Во время извержения вулкана Серебрянко удалось спастись, а его преследователи— шесть волков— были засыпаны вулканическим пеплом и, как рассказывает легенда, и сейчас ещё высоко в горах стоят эти окаменевшие волки.
Написал эту книгу известный югославский писатель Ахмет Хромаджич.

7—6—2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЕГЕНДЫ

Есть на свете одна гора. А на той горе небольшое озеро, а на берегу озера отвесная скала. На скале неподвижно застыли шесть каменных волков. Они смотрят на своё отражение в воде: днём при свете солнца, сияющего на небосклоне, и ночью в мерцании звёзд.

Временами волков окутывают густые облака.

Временами волков заволакивает туман.

В ясный день, когда нет ни облаков, ни тумана, волков скрывает лес.

Ни одна тропа не ведёт к той скале, и дорог туда нет, и добраться до неё нелегко. Смельчак, который решит отправиться на поиски окаменевших волков, рискует долго, долго плутать по лесам, где водятся медведи и рыси, где царствуют орлы, где из-за каждой ветки, из каждого куста за ним следят чьи-то горящие глаза. Пока, наконец, не доберётся до вершины. Зато уж, если доберётся, не пожалеет о том, что легенда про каменных волков завела его в этот мрачный и дикий лес. И в награду за свою отвагу и упорство получит возможность полюбовать-

ся изумительным видом, который открывается с горы.

Только таких смельчаков очень мало — редким счастливцам удалось преодолеть бесчисленные препятствия и, выбравшись на берег озера, восхищённо воскликнуть:

— Легенда говорит сущую правду! Окаменевшие волки и поныне стоят на скале.

Подавляющее большинство людей, не имея никакого желания забираться высоко в горы, предпочитает видеть в легенде про волков сплошную выдумку.

Однако многие не согласны с ними.

— На то она и легенда,— возражают они. — Самое главное, чтобы легенда была прекрасной и увлекательной, и если даже в ней есть частица выдумки — разве это так уж важно?

В самом деле? Разве это так уж важно?

Лучше давайте послушаем эту легенду..

ВЕСНА В ЛЕСУ

Это была его первая весна. Он был ещё детёнышем. Маленьким беззаботным детёнышем косули. Он никогда не разлучался со своей матерью. Спал подле неё, резвился под взглядом её ласковых глаз, а когда они с матерью отправлялись в горы, в луга, покрытые цветами и мягкой пахучей травой, он скакал рядом с ней. У них было уютное жильё в зарослях дикого винограда под стенами старой заброшенной крепости. Когда-то раньше тут, вероятно, не было леса. Была только голая гора, а на горе крепость, и из этой крепости, устремляясь на врага, вылетали всадники на лихих конях, в тяжёлых латах, и никто не знает, сколько жестоких сражений отгремело под древними стенами. И когда они стали жертвой разрушительного натиска и безжалостного пожара. Но так как история крепости не имеет прямого отношения к нашему рассказу, мы не станем в неё углубляться. Лучше поговорим о другом. Из недр этой самой горы пробивался родник и, сбегая в долину резвым ручьём,

привлекал в окрестности старой крепости многочисленных лесных обитателей. К источнику и ручью в одиночку и стаями пробирались на водопой и за добычей волки. К нему же осторожной поступью прокрадывались хитрые лисы, а в летний зной, спасаясь от палящих лучей солнца, к ручью слетались птицы и брызгались в холодной воде. Приходили сюда и пугливые косули в сопровождении величавых красавцев – горных козлов, а в синей вышине над горами с раннего утра и до позднего вечера несли бессменную вахту ястребы и орлы. Бог ты мой, сколько трагедий разыгралось на берегах этой горной речки! Сколько беззащитных животных стало добычей хищников. Но об этом знает одна только гора. А гора бережно хранит свои тайны, и нам никогда не удастся проникнуть в них, разве что чуть-чуть приоткрыть. Предоставим, однако, горе и дальше хранить свои тайны, а сами вернёмся к своему маленькому герою.

Он только ещё начал постигать разные премудрости лесной жизни и, конечно, понятия не имел, какие испытания готовят ему родные горы.

Его мать, как все другие матери на свете, не спускала с него глаз и донимала его всевозможными советами и наставлениями:

— Не бери это в рот.

— Не трогай эту отраву.

— Не подходи к воде – утонешь.

— Осторожно! Смотри под ноги!

Была весна, и всё было в точности так, как бывает каждой весной.

То пройдёт короткий и тёплый дождь.

То пробежит по горам ветерок-поддувало.

То соберутся чёрные тучи и, низко нависнув над землёй, придавят макушки елей – и тогда начинается буря. Под её порывами содрогнётся гора и

заходит ходуном от вершины до основания, не оставляя ни единого уголка, где можно было бы чувствовать себя в покое и безопасности. Ветер немилосердно срывает ветви, валит деревья. Гремит гром, угрожающе сверкают молнии. И всё живое, застигнутое бурей в лесу, трепещет от ужаса. И ждёт, затаившись, когда минует опасность, одинаково грозящая свирепому хищнику и певчей птичке. И только когда уляжется разгулявшаяся стихия и солнце снова покажется из-за туч, лесное зверьё осмелится высунуть наружу нос из многочисленных норок, пещер и прочих убежищ и оживит затихшую гору.

К счастью, в этот год бури случались не часто.

Гораздо больше выдавалось ясных весенних дней, когда горы оглашались гомоном и шумом, а лес был наполнен благоуханием и радостью.

Козлёнок с каждым днём подрастал и в эту свою первую весну был очень счастлив и весел. Ещё бы! Ведь косуля-мать была необыкновенно ласкова с ним и изо всех сил старалась, чтобы её детёнышу жилось как можно лучше. А козлёнок был ещё

ужасный несмышлёныш и даже не мог отличить своего друга от врага. Он не знал, сколько опасностей подкарауливает его на каждом шагу и какие суровые законы господствуют в лесу. Но, к счастью, его мать была очень умной. И терпеливо учила уму-разуму своего малыша.

Прежде всего он должен был овладеть языком своего племени — языком косуль, но этого ещё было далеко не достаточно. Ему предстояло изучить нравы леса. И в разнобое лесных голосов научиться по слуху различать их четвероногих или пернатых обладателей. И безошибочно распознавать пронзительные крики птиц, имеющих обыкновение поднимать тревогу при виде опасных и нежелательных гостей. Так, наш козлёнок узнал, что в лесу есть свои сторожа — невидимые в густой листве, в кустах или в траве, они зорко следят за всем, что происходит вокруг.

Первые дни, когда козлёнок был ещё очень слаб и не мог выходить из своего гнезда в зарослях дикого винограда, косуля-мать не находила ни минуты покоя, постоянно прислушиваясь к подозрительным звукам. Она то и дело, наказав малышу лежать тихонько, выходила посмотреть, что творится вокруг и не крадётся ли враг.

Иногда она возвращалась успокоенная.

Иногда она возвращалась встревоженная, и тогда они оба, затаившись, долго-долго лежали, боясь шелохнуться и ожидая, когда минует опасность.

Порой, когда враг подходил слишком близко, косуля-мать прибегала к последнему отчаянному средству защиты. Она прекрасно понимала, что, если враг откроет их жильё, её беспомощному сосунку, едва научившемуся держаться на своих неверных ножках, грозит неминуемая гибель. И решалась на крайнюю меру — самой открыться врагу и

постараться как можно дальше увести его от жилья. Рискуя жизнью, косуля пускалась на эту игру. И горы становились свидетелями ужасной погони, исход которой никто не мог предугадать. Всё зависело от того, кто окажется выносливей и сильнее — косуля или её преследователи. Чаще всего это были лисицы и волки. Иной раз рыси. А порой бродячие собаки.

Нетрудно догадаться, что испытывал наш малыш, дожидаясь возвращения своей матери.

Бедняжка просто умирал от страха. Ещё бы. Ведь косуля-мать могла никогда не вернуться к нему. Но могло случиться и другое. В её отсутствие у развалин старой крепости мог объявиться новый враг и утащить беззащитного малыша в лес. Да мало ли какие ещё ужасы могли случиться с козлёнком без мамы.

Маленький козлёнок был отчаянный трусишка. Он боялся шороха листьев, потревоженных крошечной пташкой. Шелеста травы, в которой проползла гусеница, ящерица или жук. Козлёнку то и дело мерещилось, что его убежище со всех сторон окружено кровожадными хищниками и все они норовят кинуться на него. И он лежал, боясь пошевельнуться или позвать на помощь.

И только мелко дрожал, как сухой камыш на ветру.

И плакал потихоньку.

К счастью, всё кончалось благополучно. Косуля-мать возвращалась усталая и озабоченная. Но, найдя своего детёныша целым и невредимым, она забывала про усталость, она забывала всё на свете и безраздельно отдавалась своей любви.

И долго и нежно ласкала малыша.

И без конца целовала, а козлёнок плакал — теперь уже он плакал не от страха, а от радости.

Ах, какая у него была прекрасная мать!

Ах, какая у него была благородная мать!

Козлёнок давно уже понял: если мать рядом — с ним не может, просто не смеет случиться ничего плохого. И никак не мог взять в толк, почему другие звери не хотят оставить их в покое. Ведь они никому не причиняют вреда. Они мирно живут в своём уютном гнезде и никому не мешают. К ним в гости изредка прилетают маленькие птички да весёлые бабочки, они заигрывают с малышом, да и он не прочь позабавиться с ними.

В ту пору в жилище под лозами дикого винограда вместе с козлёнком жил и его отец — красивый горный козёл с крепкими и острыми рогами. Однако он вёл себя гостем в своём собственном доме и был не особенно-то приветлив со своим сыном и с его матерью. Отец часто и надолго отлучался — вероятно, блуждал по лесам — и возвращался домой сердитый и усталый. И сразу засыпал, не позволяя себя тревожить и будить. Воспользовавшись той редкой минутой, когда отец просыпался в хорошем расположении духа, малыш, бывало, кидался к не-

му с шалостями и проказами. Но все проделки малыша, за которые мать неизменно награждала его поцелуями, оставляли совершенно холодным и равнодушным его отца. Лишь изредка удостаивал он своего сына ласковым взглядом, а в остальное время не обращал на него никакого внимания.

Они жили вместе недолго. Однажды отец ушёл да так и не вернулся. И козлёнок никогда не узнал, куда он пропал. То ли его отец забрёл в неведомые края, то ли растерзали его дикие звери.

Когда у малыша окрепли ножки и он научился бегать и скакать, мать стала водить его с собой на пастбище.

Они отправлялись в луга под вечер, перед заходом солнца, когда лес стоял притихший и молчаливый.

Или на заре, когда лес просыпался после ночного сна, разбуженный птичьими песнями и гомоном сотен голосов.

Это была самая счастливая пора его детства! Там, на пышных и светлых горных лугах, козлёнок впервые познакомился со своими сверстниками. Их

приводили с собой многочисленные товарки его матери и разрешали им резвиться и скакать сколько душе угодно. Вмиг подружившись друг с другом — а надо вам сказать, что козлята, как и все другие дети в мире, необычайно быстро заводят со своими однолетками самые тёплые приятельские отношения, — малыши затевали весёлую возню. И бегали взапуски по широкому лугу. И валялись на шелковистой и душистой траве. Наигравшись вдоволь, козлята могли на ней хорошенько отдохнуть. Не обходилось, конечно, и без ссор. Тогда обиженные малыши бежали жаловаться мамам. Но чаще мамы не допускали до драки и, вовремя подоспев на выручку, разнимали и мирили маленьких забияк. И ссора утихала, и обиженные стороны расходились добрыми приятелями.

Мирно пощипывая траву, взрослые косули ни на минуту не упускали из виду своих детёнышей. Потому что и в лугах косуль на каждом шагу подстерегает опасность. Ведь никогда не знаешь, не крадётся ли чащей свирепый хищник, не ползёт ли он, скрытый высокой травой, и не сорвался ли чёрной тенью с горной вершины страшный орёл, нацелившись на беззащитную жертву. Достаточно было малейшего подозрительного шороха, как косули поднимали тревогу. И, поспешно собрав козлят, уводили их с пастбища в лес.

Иной раз пугливые косули отступали в лес без паники, потому что опасность была не столь уж велика.

Но случалось, по знаку тревоги, косули опрометью кидались к спасительной чаще леса, безжалостно подгоняя отстающих малышей.

Маленьким козлятам нелегко было выдержать бешеный галоп. Хотя он и был для них отличной тренировкой.

ЗАПОМНИ — ЭТО ТВОИ ВРАГИ

Для того чтобы уйти от врага или перехитрить его, каждая косуля должна знать характер и повадки своего преследователя. Всего этого ещё не знал малыш. Более того, ему ещё ни разу не пришлось столкнуться с кем-нибудь из страшных хищников, державших в постоянном страхе всё его племя, и в том числе его мать.

Правда, ему приходилось слышать лай лисиц, и он хорошо запомнил этот лай — да и как его не запомнить, когда мать столько раз заставляла сына прислушаться к нему.

Нередко приходилось ему слышать и зловещий волчий вой, который невозможно забыть.

Часто слышал он и клёкот орлов в вышине.

И видел, как огромные птицы кружат в голубом просторе неба.

Косуля-мать терпеливо объясняла, как распознать приближающегося врага, как обмануть его или уйти, пока ещё не поздно.

Блуждая с сыном по лесу, она то и дело замирала на месте и велела стоять ему тихо. И долго прислушивалась. И долго принюхивалась к разным запахам, которые приносил ветер. И, лишь убедившись в полнейшей безопасности, косуля-мать отваживалась продолжать прогулку. Но, не удовлетворившись только что произведённым исследованием местности, по-прежнему держалась начеку. Засада может притаиться за каждым деревом. За каждым кустом. За каждым камнем. И каждый из них может послужить им отличным укрытием и защитой.

Не подумайте, что после всех наставлений, которые давала ему мать, наш малыш стал каким-нибудь трусом и только и делал, что безвылазно отсиживался в уютном гнезде в зарослях дикого винограда у подножия старой крепости. Ничего подобного. Он очень любил бродить по лесам. Он был необыкновенно любопытным малышом и, говоря по чести, совершенно не верил, что с ним может случиться что-нибудь нехорошее. Он научился бегать, перескакивать ямы, прятаться в траве и в кустах. И мать была вполне довольна успехами своего сына. Хотя и не переставала поучать и предостерегать малыша.

— Осторожно! — бывало, говорила ему мать; и он знал, что это серьёзное предупреждение об опасности. Может быть, впереди возникло неожиданное препятствие, а может быть, к ним приближается враг.

— Тс-с! Тихо! Слушай! — нередко шептала ему мать, и это был ещё более тревожный знак.

За ним обычно следовала команда:

— Бегом!

— За мной!

— Ложись, ложись!

— В траву!

Мать разговаривала с козлёнком на языке их племени, и постепенно малыш выучил свой язык. Но чаще ему было достаточно одного безмолвного взгляда матери, чтобы понять, чего она хочет.

Как и все дети, козлёнок ужасно любил помечтать. А мечтал он, как водится, о том, что было ему пока ещё недоступно. Он мечтал стать быстроногим и сильным. Он мечтал обзавестись острыми и крепкими рогами.

— Ах, как бы мне хотелось иметь рожки... — часто вздыхал козлёнок. — Ну хоть бы маленькие, самые маленькие на свете!

И он спрашивал мать:

— Мама, почему у меня не растут рожки?

— Мама, неужели я всегда буду маленьким?

И косуля-мать утешала своего сына, как все матери на свете утешают своих детей, и уверяла его, что в один прекрасный день он станет быстрым и сильным, самым быстроногим и самым сильным горным козлом, какие только бывают в их племени. И малыш успокаивался и терпеливо ждал, когда сбудутся обещания его матери. И в ожидании этого прекрасного времени часто видел во сне жестокие схватки, из которых неизменно выходил победителем. И представлял себя бесстрашным вожаком, которого беспрекословно слушается целое стадо.

И каждый раз, когда на лугах или в лесу ему приходилось встречать взрослых козлов, малыш с восхищением замирал перед этими сильными и гордыми животными. И делал робкие попытки подойти к ним поближе. И, может быть, даже подружиться с кем-нибудь из них. Но все его старания были напрасны. Гордые животные не обращали на него никакого внимания. А иной раз грубо отгоняли малыша, бесцеремонно отклоняя все его попытки познакомиться. Но даже и это не обижало преиспол-

ненного восторга малыша. Разве не поступал с ним точно так же его родной отец? И маленький козлёнок понял, что во всём огромном лесу у него есть один настоящий друг — мать.

Видимо, взрослые козлы вообще не слишком жаловали несмышлёных представителей своего племени и не позволяли им путаться у себя под ногами. Почему это так было, наш козлёнок не знал. Зато теперь он замечал, что подрастает с каждым днём. И когда в один прекрасный день он почувствует себя совсем большим, он сам будет выбирать себе товарищей, и пусть тогда кто-нибудь попробует его прогнать!

«Умеющий ждать всегда дождётся!» — гласит народная пословица.

То же самое говорила своему сыну и косуля-мать:

— Потерпи немного. Скоро ты станешь совсем большим.

И он поверил матери и приготовился терпеливо ждать. А пока что козлёнок был всем доволен. Жизнь его была полна радостей. Игры и прогулки по лесу сменялись сном, и наш малыш не замечал, как летело время. Мать по-прежнему баловала его и заботилась о нём. И он был счастлив.

Но счастье не может длиться вечно, и однажды беззаботному детству пришёл конец.

Весна миновала. Настало лето.

Началась жара, невыносимая жара, выпившая росу капля за каплей, иссушившая последнюю лужицу. Завяла трава, с цветов до срока опали лепестки. Засохли на деревьях листья. И началась в лесу погоня за водой. И днём и ночью тянулись к ручью вереницы зверей и птиц, жаждавших воды и прохлады. Горная речка была единственным местом, где её ещё можно было найти. Из густого ку-

старника, из травы, из-за деревьев, росших на берегу, то и дело высовывались испуганные или хитрые звериные морды. То и дело слышались птичьи крики и хлопанье крыльев. Простая вода ценилась теперь выше всего на свете. Целые звериные семейства снимались с насиженных мест и в поисках воды переселялись в новые края.

На берегах студёной речки, единственной речки, сбегавшей с гор, и днём и ночью не утихали кровопролитные битвы.

И надо же было, чтобы именно в это тревожное время наш козлёнок чуть не наделал беды.

Однажды, пока его мать пила воду, он принялся бегать и выскочил на маленькую лужайку, окружённую редким кустарником. На лужайке в мягкой траве возился выводок волчат. Волчата перепрыгивали друг через друга, кувыркались, бегали — словом, резвились и шалили, как и положено резвиться здоровым малышам.

Наш козлёнок оторопело уставился на них, ничуть не подозревая о том, какая грозная опасность нависла над ним. Ему и в голову не пришло, что перед ним на лужайке возятся самые настоящие волчата. И, соблазнённый их весельем, он чуть было сам не вскочил в их шумную гурьбу, но не успел. Волчата, увлечённые игрой, вдруг бросились наперерез через лужайку, устремившись прямо на него. Наш малыш ужасно испугался. И, почувствовав что-то недоброе, пустился наутёк и успокоился, лишь когда очутился подле матери. В этот момент волчата выбежали на берег реки и теперь были прекрасно видны косуле-матери. Одного беглого взгляда было достаточно ей для того, чтобы принять немедленное решение: скакать без оглядки в лес, под его спасительную защиту.

А волчата остались на берегу.

Они как ни в чём не бывало вернулись на лужайку и возобновили прерванную игру. Из густой травы навстречу им поднялась матёрая волчица — она спала здесь, в прохладе, разморённая жарой. Волчата кинулись к матери, визжа от радости и предвкушая новые забавы.

Что сталось бы с нашим козлёнком, если бы волчица не заснула? Уж наверное не сладко пришлось бы! И ему и матери-косуле. Потому что уйти от матёрой волчицы не так-то просто.

Впрочем, какой толк думать о том, чего не было.

Давайте лучше поговорим о другом. Например, о том, чего тогда не знал козлёнок:

что эта первая встреча с волчатами будет далеко не последней,

что безобидные волчата, игравшие на лужайке, вскоре станут грозой всего леса

и что забавное знакомство с волчатами будет иметь страшное продолжение.

Случилось то, что каждую весну случается в горах.

Козлёнок и волчата в один и тот же день появились на свет, и эта весна была для них первой весной, а весёлые игры на горе под стенами старой крепости, на лужайках и на берегу ручья были их первыми играми.

Так они росли по соседству друг с другом, но ничего не знали об этом.

Глупый козлёнок.

И глупые волчата.

Волчица была такой же нежной матерью, как и мать козлёнка. А так как и у волков тоже есть враги, волчица-мать, точно как и мать козлёнка, никогда не была спокойна за жизнь своих детей и следила за ними в оба. У волчицы были два надёжных убежища, два дома. Один постоянный, в глубокой

расселине скалы, защищённый со всех сторон от ветров, дождя и тумана. Второй дом находился неподалёку от первого в непролазных зарослях, и волчица пользовалась им время от времени, когда ей казалось, что враг может обнаружить их жилище в скале.

Как только у волчат открылись глаза и достаточно окрепли лапы, они, как и все зверята, стали пробовать свои силы в игре. Сначала они возились в полумраке пещеры, а когда немного подросли, перенесли свои весёлые забавы на лужайку неподалёку от дома, в укромную тень огромных сосен, надёжно защищённую от посторонних взоров каскадами дикого винограда. Волчата никогда не оставались без присмотра. Зоркие глаза волчицы-матери или волка-отца, а иной раз и обоих родителей вместе стерегли волчат, в то же время внимательно наблюдая за игрой. Ведь озорная игра была для волчат всё равно что настоящая школа, где их учили ловкости, сноровке, хитрости — словом, всем тем наукам, которые совершенно необходимы волкам в их будущей жизни.

Волчатам с самого рождения внушались хищные повадки кровожадных хозяев леса. Но только охота окончательно пробуждала в маленьких хищниках алчный инстинкт. Она обычно происходила дома, под присмотром матери-волчицы, которая приносила из леса полуживого от ужаса зайца и швыряла его на середину пещеры. А сама тем временем вставала караулить вход. Почувствовав себя снова свободным, несчастный зверёк принимался бегать по пещере. Может быть, ещё удастся спастись! Он метался из угла в угол, тщетно пытаясь забиться в какой-нибудь тёмный закуток, а волчата, восхищённые этой необыкновенной игрой, гонялись за ним, оглашая пещеру радостным визгом. Заяц налетал

с разбегу на волчицу, стремясь вырваться на свободу, но волчица-мать водворяла его на место. И весёлая охота возобновлялась. Юные охотники постепенно входили в азарт. Бедный заяц, изнемогавший от усталости, наконец сдавался, и тогда наступала развязка. А уж какая – об этом, думаю, вы догадались и сами.

Следующая охота была ещё более увлекательной.

На этот раз волчица-мать притащила из леса большого замученного тетерева. Она бросила его в пещеру и снова встала сторожить вход, а волчата, испуганные воинственным видом громадной птицы, забившись в тёмный угол, ни за что не решались покинуть его, и волчице-матери стоило немалых трудов поднять боевой дух волчат и натравить их на птицу. И началась охота. Тетерев отстаивал свою жизнь, волчата самозабвенно отдавались необыкновенной игре.

Но самую большую радость доставила волчица своим детёнышам, когда вывела их на первую прогулку — к берегу студёного ручья, на зелёные поляны – туда, где волчат ожидали новые радости и забавы. Постепенно волчатам открывался неизведанный и прекрасный мир таинственного леса, который со временем должен был стать их огромным домом и необозримым угодьем. В лесу им разреша-

лось резвиться сколько душе угодно. Волчица-мать только подбадривала их:

— Бегайте, детки, бегайте!

И волчата бегали.

Из высокой травы, из чащи соснового бора, из густого кустарника доносился их визг, их воинственные кличи — скоро, скоро превратятся эти крики в зловещий волчий вой. Волчата набирались сил с каждым днём. Даже их придирчивая мать, от внимания которой не ускользала ни одна мелочь, и та была довольна своими детьми.

Так росли волчата.

Чтобы в один прекрасный день стать грозой всего леса.

Тем временем подрастал и маленький козлёнок.

Ещё не раз и не два спасала его от неминуемой смерти самоотверженная любовь его матери.

Ибо не только волки, но и свирепые орлы, без устали кружившие над лесом, были смертельными врагами косуль.

Однажды на рассвете косуля-мать возвращалась со своим малышом с пастбища. Они неторопливо

шли домой. Косуля-мать, по своему обыкновению, чутко прислушивалась к каждому шороху и опасливо озиралась по сторонам. Но, несмотря на все предосторожности, не заметила грозного орла, по кличке «Бородач», кружившего в вышине, — зоркие глаза Бородача, проникая под своды леса, выискивали жертву. И, выследив её, орёл камнем ринулся вниз. Это было как раз в тот момент, когда наш малыш со своей матерью пересекал поляну. Развернув свои мощные крылья, орёл сделал крутой вираж. Секунда – и он был уже над поляной. Над головой малыша раздался его торжествующий клич. Ещё мгновение – и маленький козлёнок, подхваченный безжалостным хищником, взовьётся в воздух. Ещё мгновение – и страшный охотник унесёт малыша на вершину горы в своё царство. А это конец. Но в тот самый краткий миг, который отделял жизнь от смерти, мать снова пришла на выручку своему детёнышу. Устремившись на орла, она изо всей силы боднула его головой. Орёл потерял равновесие, пошатнулся и мощными взмахами крыльев взмыл ввысь, готовый снова броситься на свою жертву. Но поздно. Мать с малышом были уже под защитой густых ветвей, недосягаемые для хищной птицы.

И снова потянулись, сменяя друг друга, безмятежные дни в лесу.

Играя и резвясь, взрослели волчата.

Играя и резвясь, взрослел козлёнок.

Первая встреча козлёнка с волчатами обошлась благополучно. Надо сказать, что тогда ему очень повезло. Зато он получил хороший урок и теперь уже будет вести себя осторожней. Но никакие уроки не могут уберечь зверей от беды, потому что никто не знает, откуда она может прийти.

ОДИН В ЛЕСУ

До самой осени с козлёнком не произошло ничего необыкновенного.

Но вот пришла осень и принесла с собой дожди, заморозки и жестокие ветры. Ветры сорвали одежду с деревьев, повалили увядшие травы и разметали по земле лепестки последних лесных цветов. Горы потускнели, опустели, загрустили. Последние птицы улетали на юг, и теперь всё реже слышались их песни. Лесные жители от мала до велика поспешили укрыться от непогоды в зимних жилищах и покидали их разве что в тех редких случаях, когда из-за плотной завесы облаков выглядывал краешек солнца. К осени козлёнок превратился в красивого и стройного подростка. Теперь в нём никто не мог бы узнать того неловкого и озорного сосунка, который не отходил ни на шаг от своей матери. Правда, у него пока ещё не было рожек. Впрочем, какой толк с осени обзаводиться рогами, когда их всё равно нельзя сохранить до весны. Ибо так уж заведено у косуль — осенью сбрасывать рога и снова приобретать их весной.

Козлёнок по-прежнему никогда не разлучался со своей матерью, хотя теперь уже и не нуждался в её неусыпной заботе и мелочной опеке. Козлёнок был теперь совершенно уверен в своих силах и мог полностью положиться на свой собственный слух и зрение. Ему ничего не стоило догнать и перегнать кого угодно и прийти на выручку матери, как и подобает смелому подростку, научившемуся сохранять присутствие духа при любых обстоятельствах.

Пока что всё шло отлично, и козлёнок никогда бы не поверил, что вскоре ему предстоит навсегда расстаться с матерью. Вот как это случилось.

Однажды над горами собрались тяжёлые чёрные тучи. Бешеный ветер обрушивался на лес, он трепал деревья, и, послушный порывам неистового шквала, лес стелился и гнулся к земле. Над горами прокатилось дикое завывание бури:

Уу-у!

Уу-у!

Ни на минуту не смолкая, свистел ураганный ветер. Он ломал деревья, крушил деревья, а лесное зверьё, объятое паникой, металось по горам в поисках убежища и нигде не находило его, ибо через несколько мгновений хлынул ливень, загремел гром и засверкали молнии.

Лес озаряли ослепительные вспышки, сотрясали чудовищные раскаты.

Казалось, гора разлетится вдребезги и рухнет в бездонную пропасть.

На землю обрушились лавины воды; вода потоками устремлялась вниз с крутизны по старым высохшим руслам, по ложбинам и оврагам, всё сокрушая на своём пути.

Вода увлекала за собой камни.

Вода смывала деревья и пни, точно жалкие щепки. Вода неумолимо сносила всё, что попадало

к ней в плен, и горе живому созданию, подхваченному её неукротимым течением.

Гроза не стихала ни днём, ни ночью.

Казалось, она не кончится никогда, казалось, в чёрном небе никогда не появится спасительный просвет.

Как по-вашему, кому из лесных обитателей пришлось во время грозы хуже всего?

Кого безжалостно стегали дождь и ветер?

Птиц?

Нет.

Птицы забились в дупла, там было тепло и сухо.

Волков?

Нет.

Волки залезли в глубокие логова.

И лисы уползли в норы.

И золотохвостые куницы, и гибкие ласки, и мыши, и хомяки, и барсуки — у всех у них были норы, в которые они поспешили забраться.

Ну, а как же наши косули?

Где они спрятались?

Где укрылись от жестокого ветра, ледяного ливня, от ослепительных молний и грома?

Известно, что косули не роют себе нор.

И никогда не живут в пещерах — они про них просто не знают.

Они могли искать защиты от ливня под густыми деревьями да в зарослях дикого винограда, — но безжалостные дождевые потоки пробивали листву, и косули промокли и промёрзли на ветру до костей.

Косули в панике метались по лесу.

Метались обезумевшие матери.

Метались козочки и козлята, перепуганные насмерть невиданной грозой.

Они носились в отчаянной попытке убежать от ветра, от грома, они сбивались группами под дере-

вьями, под скалами, но нигде не находили спасения. И горы и небо как бы сговорились их погубить. Так им, по крайней мере, казалось. И это было похоже на правду.

Во время этой всеобщей паники, объявшей его племя, козлёнок потерял косулю-мать. В дерево, под которым, ища укрытия, сбилось с десяток косуль, вдруг ударила молния. За ней вторая. Однако вторая молния никого уже там не застала. Все бросились врассыпную и разбежались. В кромешной тьме невозможно было дозваться и отыскать друг друга.

В ту страшную ночь козлёнок остался один.

Напрасно звал он на помощь.

Напрасно искал свою мать.

Всю ночь напролёт да и потом ещё многие ночи

и дни, когда непогода уже улеглась, он, не оставляя надежды, искал свою мать. Он исходил сто тропинок и пересек сто ручьёв. Он обошёл сто полян. Ему повстречались сотни косуль — самцов и самок, но среди них не было его матери.

Он без устали кружил у своего жилья под стенами старинной крепости, увитой лозами дикого винограда. Он кружил и всё ждал свою мать:

«Может быть, она всё-таки вернётся?»

Но мать не возвращалась. Проходили дни и ночи, и каждый день, и каждая ночь уносили с собой частицу надежды. Напрасно козлёнок ждал свою мать, напрасно расспрашивал о ней, — никто ничего не мог ему сказать. И всё, что случилось с ней в ту страшную ночь, так и осталось тайной. И эту тайну могли бы открыть только горы.

Сорвалась ли косуля в пропасть?

Или погибла в бурном потоке?

А может быть, стала добычей грозного хищника?

Долго ещё после бури в горах не прекращались упорные розыски пропавших. Матери искали своих исчезнувших детей, дети искали родителей. И было много радостных встреч. И много радостных слёз.

Но ещё больше горьких слёз, потому что сотни животных пали жертвой безжалостной стихии.

ВОЛЧАТА ВЫХОДЯТ НА ОХОТУ

Вскоре после страшной грозы, с наступлением первых ненастных осенних дней, родители впервые повели волчат на охоту — на этот раз самую настоящую охоту. Волчица-мать и волк-отец всё дальше уводили своих детей, пробираясь им одним известными тропами, глубокими оврагами, берегами стремительных ручьёв и скалистыми вершинами горных хребтов, обдуваемых всеми ветрами. Они шли без отдыха. Ибо юным волкам предстояло теперь навсегда распроститься с детскими играми и на пороге самостоятельной жизни пройти последнюю суровую школу.

Родители научили волчат читать звериные следы, оставленные в траве, на опавшей листве, везде, где только можно их увидеть.

Они научили их ходить волчьей цепочкой, один за другим, неслышно, стараясь не потревожить спящих птиц и зверей.

Они научили их выбирать самое выгодное место для засады. Они научили их поджидать добычу. И это ожидание было целой наукой — наукой терпения.

Скрытые в густой траве, в кустарнике, в колючих зарослях где-нибудь на берегу ручья, у источника или тропинки, пересекавшей лес, юные волки должны были часами лежать затаившись, не смея пошевельнуться и хоть единым звуком нарушить тишину. При этом они должны были чутко прислушиваться к малейшему шороху, не давая поблажки ни слуху, ни зрению. Иной раз добыча попадалась в ловушку, и тогда томительное ожидание в засаде вознаграждалось роскошным пиром. Но нередко случалось им прождать напрасно. Несколько раз подряд волчата возвращались из засады с пустыми желудками. Так они узнали голод и поняли, что в лесу пропитание не падает с неба, а достаётся зверям трудом и хитростью.

Но чаще всего юные волки учились преследовать жертву, и этот вид охоты нравился им больше всего. Им по душе было яростное бешенство погони, и они гнались за добычей, пока их несли ноги, находя истинное удовольствие в этой захватывающей, хоть и утомительной игре.

Они травили зайцев.

Они травили косуль.

Приходилось им также преследовать и коварных лисиц. Однако охота на лисиц напоминала волчатам скорее увлекательное состязание в сообразительности и коварстве.

Лисья хитрость всем давно известна — эти прожжённые плуты не имеют себе равных во всём лесу и проведут хоть кого. Но было бы ошибкой думать, будто волки действуют одной только силой. В коварстве и хитрости волк не уступит самой дошлой лисице. А иной раз и превосходит её и умудряется увести у неё из-под носа верную добычу.

Никогда не известно, на какие проделки пустится лиса, удирая от волка, зато хорошо известно, что

лиса никогда не сдаётся, в самых безнадёжных обстоятельствах не теряя надежды как-нибудь выкрутиться. Когда же хитрость помочь бессильна, она борется до последнего вздоха.

Однажды волку и волчице посчастливилось поймать матерую лисицу, неукротимый боевой пыл которой надолго запомнился юным волкам. К тому времени, когда родители кинули лису на потеху волчатам, она была порядком изодрана волчьими клыками и буквально истекала кровью. Волк-отец и волчица-мать наблюдали со стороны за ходом сражения. Они были уверены, что волчата их не подведут, и давно уже собирались стравить их с лисой. И вот долгожданный бой начался. Волчата, ободрённые присутствием родителей, яростно кинулись на лису, демонстрируя родителям свою отвагу и мужество. Но слишком поторопились, ибо не знали, что раненая лиса недаром славится свирепостью своего нрава и не идёт ни в какое сравнение с беспомощным зайцем или тетеревом. Истерзанная лисица стояла насмерть. Это заставило волчат отступить. Один из них с кровавой отметиной на шее, заработанной в схватке, скуля от боли, бросился к родителям, но они безжалостно отшвырнули его обратно.

— А ну, смелей! Терзай её! Рви её! — подбадривали они волчат.

Окровавленная лиса приготовилась отразить новую атаку, глаза её метали молнии. Казалось, она беззвучно взывала к своим мучителям:

— Ну что? Спасовали? Я жду — налетайте.

Испуганные волчата мялись в нерешительности, окружив лису кольцом. Это был их первый серьёзный бой. До сих пор была игра. И если бы не грозные взгляды родителей, они бы, конечно, сочли за благо, постыдно бросив поле боя, забиться куда-нибудь подальше в логово. Но под этими взглядами

2 Окаменевшие волки

они снова очертя голову кинулись в атаку. И снова завязалась отчаянная драка, и боевой клич волчат потряс горы. Сплетясь в клубок, лиса и волчата катались по земле, подскакивали, падали, рассыпались и снова сцеплялись. Скрежетали зубы, летели клочья шерсти, но никто не помышлял о примирении или бегстве. Ни лиса, ни волчата. Тем более, что теперь стал сказываться их численный перевес, и волчата явно одолевали противника. И в конце концов одолели.

Так завершали своё образование волчата.

Так кончилось их детство.

Впереди им предстояли новые приключения и боевые схватки на бескрайних лесных просторах.

Вскоре после битвы со старой лисицей к волчьему логову стали сходиться незнакомые волки. Это были волки одной стаи. Братья и сёстры наших волчат. Молодые, поджарые и дерзкие звери. Наступила зима, и волкам пришло время собираться стаями. Чтобы одной большой семьёй отправиться скитаться по лесам, совершать набеги на селения, отмечая свой путь опустошительными грабежами и разбоем. И так до самой весны. Пока в лесах не запоют птицы и солнце не выставит наружу свой пупок, пока у зверей не настанет пора линьки, когда волки бездомными бродягами ошалело шатаются по лесам, не заботясь о том, где застигнут их сумерки и где встретят они восход.

По первому снегу волчья стая двинулась в разбойничий поход.

И воздух огласился протяжным воем, и лес содрогнулся от ужаса.

Наши волчата вместе со всеми отправились в поход, из которого им предстояло выйти окончательно повзрослевшими.

НЕЗНАКОМЫЕ ДРУЗЬЯ

На смену злобной осени в тот год пришла суровая зима. В лесу лежал глубокий снег, покрытый твёрдым настом, а в теснинах беспрестанно выли холодные ветры, пронизывая лес, вырываясь на открытые пространства и вздымая облака белой пыли. Оголённые ветви деревьев оделись ледяным панцирем, а из-под толстого белого пуховика, окутавшего землю, не выбивалось больше ни единой травинки.

Ночью стояла невыносимая стужа – пушистый заяц и тот норовил привалиться к тёплому бочку зайчихи.

Перед рассветом в горах то и дело хлопали выстрелы. Но это были совсем не ружейные выстрелы, это трещали замёрзшие деревья. Ещё задолго до восхода солнца зловещий треск будил заночевавших в лесу птиц. Проснувшись, птицы делали слабые попытки взмахнуть крыльями, но многим это не удавалось, и птицы оставались коченеть на деревьях или падали камнем в глубокий снег.

В горах пернатые жители почти совсем перевелись.

Остались больные да слабые. Здоровые птицы переселились вниз, в долины, поближе к людским поселениям, поближе к сараям и амбарам. Только там и можно было раздобыть себе какое-нибудь пропитание. Только там и можно было найти какой-нибудь тёплый уголок.

Зима не знала пощады.

Зима принесла с собой голод.

А в жестокий мороз, под ледяным ветром, в глубоком снегу голод мучает особенно жестоко.

Хуже всех в эту суровую зиму пришлось косулям. Из-под толстого снежного покрова невозможно было добыть никакого корма. И косули, желая как-нибудь обмануть голод, обгладывали заледеневшие тонкие прутья.

Не имея тёплого жилья, они погибали от холода.

А тут ещё обнаглевшие волки, почувствовав себя полновластными хозяевами гор, безнаказанно истребляли этих мирных животных. По ночам горы оглашал зловещий волчий вой. Волки так и шмыгали по лесу. И ночью, и днём оскаленные волчьи пасти и горящие глаза преследовали косуль.

Гибли матери.

Гибли дети.

Непролазный снег сковывал их ноги, а следы предательски выдавали их волкам. И негде было искать спасения. И неоткуда ждать защиты.

Наш козлёнок, как и все другие косули, много раз был на волосок от смерти. Вот когда вспомнились козлёнку слова его матери: «Пуще всего бойся волков. Это наши заклятые враги».

До сих пор козлёнок благополучно уходил от преследователей. Но вот однажды за ним погналась целая стая разъярённых волков, преследовавших его с таким упорством и бешенством, что козлёнок совсем уж не надеялся спастись.

Ледяная корка, покрывавшая снег, разодрала ему ноги в кровь.

С каждой минутой силы его убывали.

Ещё немного, и козлёнок рухнет в снег и никогда больше не встанет. А волки всё ближе и ближе. Страшная стая волков. И в этой стае те самые юные волки, выросшие с ним по соседству в том же уголке леса. Те самые волки, на которых однажды налетел козлёнок на берегу ручья в угаре детской игры. По правде говоря, юные волки не могли ещё тягаться в выносливости и силе со взрослыми волками и трусили в хвосте стаи, но всё-таки не хотели отстать. Они так возмужали, что козлёнок ни за что бы их не узнал. Впрочем, это было и не нужно. Молодые волки стали его врагами, ничуть не менее грозными, чем все остальные хищники.

Избавление пришло к козлёнку неожиданно.

Стремглав летя вперёд, он вдруг выскочил на околицу незнакомой деревни. На пригорке у деревни катались на санках дети. Они издали увидели козлёнка, которого настигали волки.

— Волки, волки! — раздались тревожные детские возгласы и прокатились по снежным полям.

Когда бы не сторожевые псы — верные защитники и непременные участники детских забав, мужество, может быть, и изменило бы ребятам. Но собаки уже мчались наперерез хищникам, а волки, встревоженные детским криком и собачьим лаем, остановились в замешательстве.

Между тем собаки были уже рядом.

И завязалась жестокая схватка.

Кровопролитная схватка, когда пускают в ход все средства: и клыки, и когти, и устрашающий рёв.

На этот раз волкам не повезло. Они столкнулись с огромными волкодавами, отличавшимися свирепым нравом и бесстрашием вышколенных сторо-

жевых собак. К тому же собак было больше, а близость села и детей придавала псам храбрости. Псы с такой яростью налетели на волков, что казалось, сейчас они разнесут их в мелкие клочки и опрокинут в снег. Но это, безусловно, только так казалось. Волки тоже были не робкого десятка – недаром их взрастили дикие горы, приучив с малолетства драться не на жизнь, а на смерть. Их мучил голод. Их терзала досада, что верная добыча ушла у них из-под носа. И, собравшись с силами, волки устремились на собак. Над полем брани взметнулась снежная пыль, и противники покатились в снег, подпрыгивая, завывая и скуля. Ярость разгоралась в них с каждой секундой. Кто одолеет, кто выйдет победителем из этой схватки? Противники опрокидывали друг друга в снег, алевший пятнами крови, попеременно торжествуя временные победы. Но никто не мог бы поручиться за исход сражения, если бы из деревни на помощь волкодавам не подоспели свежие силы, – услышав рычание, лай и детские крики, псы кинулись на выручку товарищей. Убедившись в явном численном превосходстве противника, волки решили отступить в лес и, продолжая отчаянно отбиваться, стали передвигаться к опушке, пока, наконец, не добрались до первых деревьев, – здесь собаки остановились.

Так закончился этот бой.

Собаки долго ещё лаяли вслед волкам. Но ещё дольше зализывали свои кровоточащие раны те участники боя, которым пришлось на своей собственной шкуре испытать крепость волчьих зубов. Точно так же, впрочем, поступали и их противники, в изнеможении рухнувшие на землю, едва достигнув первых спасительных зарослей.

Ребята окружили козлёнка. У него не было больше сил бежать или отбиваться, и он предоставил

детям делать с собой что угодно, конечно, не без опаски. И всё же прекрасно понимая, что волки куда страшнее.

Дети тем временем восхищённо разглядывали козлёнка.

— Отчего ты дрожишь, — ласково спрашивал козлёнка один мальчик. — Ты боишься волков? Но волков больше нет, они удрали отсюда без оглядки.

— Ах, какой необыкновенный козлёнок! — восклицал другой. — Посмотрите, да ведь у него серебристая шёрстка!

— Верно, — подхватили другие ребята.

— Серебрянко! — крикнул кто-то. — Моя бабушка рассказывала мне, что в лесу живёт козлёнок с серебристой шёрсткой.

— Значит, это тот самый и есть! Самый настоящий Серебрянко.

— Серебрянко, Серебрянко! — обрадованно загалдели ребята.

Так наш козлёнок получил имя.

Но имя сейчас не занимало его. Другие чувства целиком поглощали Серебрянко, — эти чувства говорили ему о том, что неожиданно для самого себя он очутился среди друзей. И они не обманули его. И действительно, с этого памятного дня у него с ребятами завязалась большая и крепкая дружба.

Между тем дети, едва успев окрестить своего нового друга, чуть было не перессорились из-за него. У кого будет гостить козлёнок с серебристой шёрсткой? Каждый доказывал своё право приютить козлёнка у себя. Поднялся невообразимый крик, писк и гвалт.

— Я первый заметил его! — кричал один.

— Нет, я! — стараясь перекричать товарища, вопил другой.

— Зато я первый к нему подбежал, — ожесто-

чённо доказывал третий. – Значит, я имею полное право.

– А наши собаки прогнали волков! – в один голос орали двое парнишек.

– Зато я придумал ему имя! – возмущался тот мальчик, который вспомнил историю, рассказанную бабушкой.

Казалось, было просто невозможно прийти к какому бы то ни было мирному решению. Никто не соглашался уступить другому козлёнка, который тем временем успокоился и теперь с любопытством разглядывал ребят. Вдруг кого-то из детей осенила счастливая и мудрая идея: пусть Серебрянко живёт у всех по очереди, а кормить и ухаживать за ним ребята будут все вместе.

На том и порешили.

Но тут возник новый вопрос: чья очередь будет первой.

Не без труда уладив наконец и это затруднение, ребята всей гурьбой повели Серебрянко в деревню.

Он покорно следовал за ними.

Силы вернулись к нему, и Серебрянко приободрился. Пожалуй, он был сейчас самым счастливым козлёнком во всём лесу. Теперь ему не страшны ни морозы, ни голод, ни волки. Новые друзья позаботятся о нём и не дадут его в обиду.

Дворовые псы встретили Серебрянко не слишком-то любезно.

Они напустились на козлёнка с громким лаем.

Дворняги выскакивали на него из-за заборов, из собачьих будок, полные решимости прогнать непрошеного гостя обратно в лес.

Бедный Серебрянко совсем не ожидал такого приёма.

А он-то думал, что все невзгоды остались позади.

Но ребята тотчас же доказали дворняжкам, что

с полной ответственностью относятся к роли гостеприимных хозяев, которую они на себя взяли. Они прогнали собак снежками, и, почуяв, что с ребятами шутки плохи, шавки оставили Серебрянко в покое. Они с рычанием отступили, заползая обратно в свои будки и поражаясь перемене, происшедшей в ребятах. Привыкнув подчиняться людям, дворняги подчинились им и на этот раз, хотя и были недовольны. А про себя решили при первом же удобном случае отомстить непрошеному гостю.

Очутившись в жилье человека, Серебрянко на первых порах ужасно испугался.

Посреди комнаты в каменной клетке бушевал огонь. Никогда в жизни не видывал козлёнок такого страшного чудовища. Козлёнок метнулся было в сторону, норовя броситься наутёк. Но ребята удержали его. И Серебрянко быстро убедился в том, что огонь не только ничем не угрожает ему, но, напротив того, обдаёт его приятным теплом, которого ему так не хватало с самого начала зимы. Вот так же летом грело козлёнка ласковое солнышко, пока его не скрыли тучи и злые ветры, которые принесли с собой иней и снег. И вместо того чтобы убежать, Серебрянко придвинулся поближе к доброму чудовищу, лизавшему очаг красными языками и распространявшему вокруг себя слепящий блеск и теплоту. Так козлёнок познакомился с огнём.

Это было первое знакомство с чудесным и неведомым миром, который стал с того дня открываться ему.

Пока изумлённый козлёнок осваивался с новым местом, ребята натащили в дом съестного и принялись угощать своего друга. Прежде всего они предложили ему сена, и после долгого перерыва он снова ощутил аромат цветов, благоухание зелёных лугов и лесных полян, где он резвился и пасся

с матерью, а потом бродил в одиночестве. Вслед за сеном его попотчевали хлебом и зерном. А один мальчик принёс миску молока и поставил её перед Серебрянко. Козлёнок даже растерялся перед таким обилием разнообразных яств, и, хотя он был очень голоден, невероятно голоден, он всё же не кинулся без разбора на еду, а тщательно обнюхал сначала одно, затем второе и третье блюдо и, наконец, остановил свой выбор на сене, потому что сено было единственное известное ему кушанье.

Потом ребята устроили ему тут же у очага постель из мягкой соломы, и, наевшись досыта и вдоволь напившись, Серебрянко, изнемогая от усталости, лёг и сейчас же заснул. После всех невзгод и несчастий, которые преследовали его по пятам, он мог наконец как следует отдохнуть на тёплой и мягкой постели и спокойно уснуть, не боясь волков, не боясь замёрзнуть во сне или погибнуть под снежным сугробом, который вьюга наметёт над ним за ночь. Его новые друзья, могущественные и добрые, никогда не оставят его в беде. И будут ему такими же преданными защитниками, какой была когда-то его мать, пока не исчезла в ту страшную ночь.

Через несколько дней козлёнок чувствовал себя в деревне как дома. Он избавился от постоянной тревоги, в которой его держали пристальные взгляды многочисленных врагов, следившие из засады за каждым его шагом. Всё население деревни от мала до велика было неизменно ласково с ним. И Серебрянко настолько осмелел, что теперь безбоязненно заходил в любой дом и в любой двор.

Правда, дворняжки всё ещё не желали признать козлёнка своим и угрожающе рычали ему вслед из-за заборов, а самые злые и неугомонные тявкали и щёлкали зубами, но дети унимали их строгими окриками, палками и снежками. Забияк запирали, сажали на цепь. И в конце концов они сдались. Да и кому ж охота всякий раз угощаться колотушками! Так козлёнок получил возможность совершенно свободно разгуливать по селу.

Впрочем, он почти никогда не оставался в одиночестве. Серебрянко стал закадычным другом деревенских ребят.

Они брали его с собой играть в снежки, кататься на санках, валяться в снегу, а иной раз приводили козлёнка в школу. И все классы высыпали к нему навстречу и десятки рук тянулись похлопать и погладить козлёнка. А иногда Серебрянко и сам заходил за ребятами в школу. Он знал, что там сейчас в сборе все его маленькие друзья, и терпеливо ждал, когда закончатся уроки. Вы, конечно, и сами догадались, что ребята, сидевшие у окна, видели, как козлёнок прохаживается возле школы, то и дело посматривая на окна в надежде увидеть за стеклом чью-нибудь знакомую физиономию.

Обычно ожидание не обманывало его. И пока учитель был занят чтением или писал что-нибудь на доске, кто-нибудь из ребят, прильнув к окну, махал рукой Серебрянко, как бы говоря:

«Потерпи немножко! Мы тебя видим. Сейчас придём!»

Как только урок кончался, по коридору, с лестницы и через двор устремлялся поток бегущих ребят. Все знали, что их ждёт Серебрянко. И он действительно был тут. Ему не терпелось поиграть с детьми на школьном дворе, а потом вместе с ними пойти из школы домой.

Иногда Серебрянко просыпался среди ночи, разбуженный волчьим воем на околице деревни.

Обезумевшие от голода волки рыскали у села, готовые растерзать первое живое существо, которое попадётся им на пути, – будь то человек или животное. Жестокий голод стальной плетью нахлёстывал волков.

Случалось, волки проникали в хлев и утаскивали овец. Но чаще волкодавы подстерегали хищников у деревни и с боем отгоняли в лес.

Серебрянко знал, что даже и в деревне он не может считать себя в полной безопасности от своих смертельных врагов. И, разбуженный их протяжным воем, не смыкал глаз до самого рассвета, напряжённо прислушиваясь к малейшему шороху и ожидая услышать где-нибудь рядом с собой – совсем рядом – рычание хищного зверя или увидеть в темноте его горящие глаза и оскаленную пасть.

Когда начал таять, постепенно куда-то исчезая, снег, волки снова углубились в леса. Успокоились деревенские псы, стали тихими ночи – шум битвы, рычание и лай не нарушали больше сонного покоя.

Тёплый южный ветер и днём и ночью разгуливал по горам и деревне.

Южный ветер растопил снег.

Южный ветер принёс с собой необъяснимую тревогу, и Серебрянко всё чаще заглядывался на горы, менявшие свой наряд. Горы настойчиво манили

козлёнка к себе. Горы звали его в родные края. И вспомнилось ему давно забытое укромное жилище в зарослях дикого винограда у подножия разрушенной крепости, и вспомнились ему тропинки, по которым водила его мать, и вспомнились её наказы. Всё сразу вспомнилось козлёнку. Но как он мог уйти от своих друзей? От своих подруг и товарищей? А малыши не могли прожить без него ни минуты, то и дело они звали козлёнка.

— Серебрянко! — лепетали они и тянули к его губам свои маленькие ручки.

— Серебрянко! — кричали козлёнку его друзья. И козлёнок отзывался им: он давно уже привык к своему новому имени. Среди деревенских мальчишек и девчонок у него завелись свои любимцы, и, услышав их голос, он летел к ним со всех ног и вытягивал шею, ожидая ласки, а потом носился с ними взапуски.

Когда лес оделся в зелёный убор, в жизни козлёнка произошло одно необычайно важное событие. У него появились маленькие рожки, а вместе с ними гордая уверенность в своих силах. Он получил надёжное оружие. И скоро сможет постоять за себя, а в случае необходимости и проучить неприятеля.

А лес — лес с каждым днём становился всё прекраснее.

Лужайки и поля на глазах зеленели. Лопались и раскрывались бутоны всевозможных ярких цветов.

Ручейки и потоки, мутные от талого снега и частых ливней, успокоились и стали прозрачными.

Мальчишки наделали себе свистулек из вербы, а из коры ясеня свернули настоящие горны.

Весна принесла с собой радость.

Весна разбудила природу.

В голубом небесном просторе парили широко-

крылые орлы. Луга наполнились птичьим пением, а по утрам и на закате теснины и ущелья всё чаще оглашал призывный клич горных козлов.

Рано поутру и на закате Серебрянко отправлялся пастись.

Иногда он проводил в лугах весь день.

Он держался вблизи деревни. Впрочем, никакой необходимости уходить далеко у него не было: деревню окружали зелёные рощи и поля и везде было вдоволь травы и сладких цветов.

Однажды за ним погналась свора шальных собак. Серебрянко кинулся от них наутёк и, запыхавшись, влетел в деревню. Наперерез его преследователям ринулись сторожевые псы, дремавшие, по своему обыкновению, под заборами и в кустах на подступах в деревню. На этот раз, как и в тот памятный день, когда Серебрянко спасался от волков, волкодавы отстояли козлёнка в жестоком бою и прогнали непрошеных гостей далеко за деревенские выгоны. Будут знать, как вторгаться в чужие владения, будут знать, как гоняться за чужими козлятами!

Путь в луга был свободен, и Серебрянко мог спокойно отправляться на пастбище.

Не только дети полюбили Серебрянко.

Верные псы в любой момент готовы были прийти к нему на выручку, и, пока козлёнок пощипывал зелёную травку, они в оба глаза следили за своим новым другом из своих засад.

Казалось бы, всё устроилось отлично.

А между тем странная тревога не давала покоя козлёнку. Она усиливалась с каждым днём. И, наконец, он должен был признаться себе, что больше не в силах противиться настойчивому зову гор, которые влекли его к себе. Он мечтал уйти далеко-далеко, на дальние поляны, где собираются косули

и горные козлы, но никак не мог решиться покинуть своих приятелей.

Сколько уж раз собирался Серебрянко уйти в горы и снова возвращался в деревню.

И снова мучился.

Но всё-таки природа победила.

В один прекрасный день Серебрянко исчез, и ребята в поисках пропавшего друга напрасно обшарили всю деревню и близлежащие рощи. В это время Серебрянко был уже далеко в горах. Он спешил побыстрее встретить кого-нибудь из своих, и уже не расставаться с ними всю весну, и узнать от них всё то, чему не успела научить его мать.

Козлёнка звала весна.

Он знал, куда ему надо идти. К заброшенной крепости. Туда, где вьётся дикий виноград, где шумит горная речка, где цветут самые красивые в мире цветы. Туда, где он впервые увидел белый свет, и в первый раз вдохнул в себя неповторимый запах гор, и в первый раз услышал птичьи голоса.

Он помнил всё.

Потому что нигде не было ему так хорошо и спокойно. Чего раздумывать? И козлёнок снова поселился под стенами старой крепости и, куда бы ни уходил, всегда возвращался обратно.

НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

Шли дни за днями. В начале лета стала поспевать дикая черешня и деревенские дети зачастили в лес.

За черешней пошла земляника. И дети снова повадились в лес. Всякий раз, отправляясь за ягодами, они мечтали встретить Серебрянко. Вдруг он выскочит из лесу и подбежит к ним, а может быть, даже согласится вернуться с ними в деревню. «Не мог ведь наш козлёнок насовсем пропасть»,— думали дети. И были правы. Однажды козлёнок возьми да и появись перед ними — вырос словно из-под земли.

Лес огласили радостные крики:

— Серебрянко! Серебрянко!

Ребята окружили козлёнка и наперебой осыпали его ласками, а он отвечал им тем же.

Он показал ребятам свои рожки, которыми страшно гордился, — да и как не гордиться, когда без рогов невозможно даже и вообразить себе настоящего горного козла!

Ребята тоже заметно изменились: выросли, окрепли, загорели.

Этот день они провели вместе.

Они облазили уйму полян, усеянных точками красных ягод, отдыхали в траве и весело играли в тени столетних сосен, возле студёного горного ключа; и где бы они ни были, им всюду сопутствовал слитный гул лесных голосов и провожали недоверчивые взгляды больших и малых обитателей леса.

Серебрянко часто поднимал голову и прислушивался. В весёлой компании детей он ни на минуту не забывал об осторожности, помня о том, что в лесу их на каждом шагу подстерегает опасность.

Иной раз он долго, долго прислушивался, нюхал воздух и ветер, и ребята, от внимания которых не могло укрыться ни одно его движение, тревожно замирали. Они знали, что их друг не станет прислушиваться зря, потому что его уши слышат то, чего не может уловить их ухо, а глаза видят то, чего не может различить их глаз. Если бы Серебрянко пустился бегом, ребята, не раздумывая, бросились бы следом за ним, ни минуты не сомневаясь, что за ними гонится кровожадный зверь. Но, к счастью, ничего такого с ними не случилось. День прошёл мирно и тихо. В сумерки ребята отправились домой. На опушке они остановились, решив, что Серебрянко дальше не пойдёт, – но он и не думал отставать и пришёл вместе с ними в деревню.

Собаки встретили их громким лаем и кинулись к ним из всех подворотен, – сторожевые псы приветствуя своего старого знакомого, а дворняжки норовя его укусить. Но ребята не дали своего любимца в обиду, и драчливые псы, поджав хвосты, убрались восвояси.

Оказалось, однако, что усмирить дворняжек было гораздо проще, чем шумную ватагу деревенских ребятишек, которые слетались к ним со всех сторон, выкрикивая на ходу:

— Где вы его нашли?

— А вдруг он опять уйдёт?

Бесконечные вопросы сменялись восторженными восклицаниями по поводу того, как поразительно быстро возмужал Серебрянко.

— Посмотрите-ка, да у него выросли настоящие рожки! — вопили они.

— И новая шёрстка!

— Наш Серебрянко самый красивый козлёнок в лесу.

В окружении своей многочисленной свиты Серебрянко важно и гордо шествовал по деревне.

Он с интересом прислушивался к ребячьим голосам и, хотя не мог понять смысла их слов, догадывался чутьём, что его окружают друзья. И милостиво разрешал похлопывать и гладить себя, трогать рожки и рассматривать со всех сторон.

Он был очень рад повидаться с детьми.

И чувствовал себя по-прежнему счастливым.

Но как бы ни было хорошо ему в деревне, он погостил у ребят всего несколько дней и снова исчез. Он ни с кем не простился, и никто его не провожал. Его неудержимо тянуло в горы. Он не мог без них жить.

СНОВА ВОЛКИ

Серебрянко придерживался точно такого образа жизни, который и положено вести животному его породы. В сумерки перед самым заходом солнца и на заре до его восхода он уходил в луга. Там паслись многочисленные стада его соплеменников. Молодых и старых. Воинственных и миролюбивых. Его братьев и сестёр. И хотя цветом шерсти Серебрянко сильно отличался от остальных косуль, они не чуждались его и разрешали ему пастись вместе с ними. Но Серебрянко не мог преодолеть своей робости. Особенно неуверенно чувствовал он себя в присутствии величавых горных козлов с мощными и острыми рогами. И безропотно сносил их дерзкие выпады и оскорбительные шутки. Ещё не настала козлёнку пора померяться с ними силой. Но к ним-то и тянуло Серебрянко сильнее всего.

Каждую ночь он с нетерпением ждал наступления нового дня, который сулил ему не только обильное угощение на лугах, но и новые встречи. Козлё-

нок не терял надежды найти себе верных друзей. Но, к своему величайшему недоумению, пока что не находил. Он и сам не знал почему. Днём косули разбредались кто куда и Серебрянко оставался один. Он плутал по лесам, забираясь в самые глухие уголки. Больше всего на свете любил он эти свои одинокие прогулки, любил открывать родники и поляны, и чем больше узнавал наш Серебрянко свой родной лес, тем больше любил его. Он взбирался на самую вершину горы, где не было ни сосен, ни елей, где клубились туманы и метались неугомонные ветры. Он спускался на берег большой незнакомой реки, пробираясь в мрачные дебри леса, полные подозрительных звуков, и снова возвращался к своей крепости.

Чего только не повидал козлёнок во время своих скитаний!

Можно с уверенностью сказать, что немногим избранным представителям его племени ревнивый лес открыл столько тайн, сколько нашему козлёнку.

Неожиданный случай ещё раз свёл козлёнка с волками. Однажды он стоял на высокой скале и, рассматривая окрестности, вдруг увидел их внизу, на поляне. Волки безмятежно развалились в тени и были превосходно видны козлёнку. Встречный ветер не мог выдать Серебрянко хищникам, и они продолжали мирно спать, совершенно не подозревая о том, что козлёнок позволяет себе дерзко рассматривать их. А Серебрянко мечтал сейчас о невозможном. Он мечтал стать сильным-сильным и обрушить вниз огромную скалу, под которой спали волки, придавить проклятых хищников и тем прославиться навечно! И заслужить благодарность всего своего племени, всего населения родных гор.

Но, к сожалению, наш козлёнок не обладал подобной силой, так же как и волшебными чарами,

и не мог приказать скале рухнуть вниз. А поэтому его заклятые враги, свирепые волки, могли преспокойно наслаждаться под скалой приятным отдыхом. Что они и делали, совершенно уверенные в том, что никто не посмеет нарушить их покой. Это были те самые волчата, с которыми когда-то давным-давно познакомился наш Серебрянко у ручья. С некоторых пор они стали грозой всего леса. И получили прозвище «отчаянной семёрки». «Отчаянная семёрка» производила опустошительные набеги на сёла, появляясь в самых неожиданных местах. Семёрка неизменно уходила целой и невредимой из облав и от погони, и всё живое пряталось и бежало от неё. Пастухи для острастки палили днём из ружей, а ночью раскладывали костры. Но семёрка врывалась в загоны, подкарауливала стада в горах и неизменно уносила добычу. Казалось, пули её не берут.

Казалось, ей не страшна никакая погоня, ибо «отчаянная семёрка» обладала чудодейственным свойством становиться как бы невидимой по своему желанию.

Зловещая слава волков родилась в лесных трущобах, в битве с медведями. Такой битвы от века не запомнили горы. Она длилась с раннего утра и до самых потёмок. В этой битве сражались не армии и не войска. В ней бились медведи против волков.

Три медведя против семи волков. Волки первые напали на медведей и вызвали их на бой.

Горы содрогнулись и затряслись.

Заревели разъярённые медведи.

Зарычали рассвирепевшие волки.

Птицы, сорвавшись с деревьев, спешили перелететь в безопасное место. И не одни только птицы. Четвероногие обитатели леса, оказавшиеся поблизости от поля боя, тоже спасались бегством. Медведи с корнем выдирали деревья, и всё вокруг трещало, и горы гудели, словно бы в жестокой схватке сошлись два войска.

Борьба шла с переменным успехом.

Окровавленные противники катались по траве, по камням, теснили друг друга, сходились и снова отскакивали в стороны, а горы наблюдали за ними, ожидая исхода сражения.

«Кто выйдет победителем из этой битвы, тот будет господином гор!» — прокатился клич по горам.

Лесные глашатаи торопились передать эту весть во все концы леса.

Они оповещали лес о ходе сражения. А между тем бой продолжался. Противники яростно бились друг с другом. Примирение воюющих сторон было совершенно невозможно. Волки атаковали, медведи отражали атаки. Палило солнце. День был на исходе. К вечеру медведи стали сдавать. Один за другим. Последний из них обратился в бегство и сорвался с крутого обрыва. И разбился насмерть. Смолкли грозные звуки битвы, стало тихо в лесу. На поле брани остались израненные, обессилевшие волки-

победители. В ознаменование победы они издали страшный клич, словно бы предупреждая горы:

«Вот мы какие! Глядите на нас! Отныне мы хозяева этих мест, и пусть только кто-нибудь попробует стать у нас на пути!»

В дальнейшем волки постарались выполнить свою угрозу.

По горам разлетелась весть о кровавой славе «отчаянной семёрки», которая с каждым днём становилась всё более дерзкой и беспощадной.

Свои разбойничьи набеги семёрка неизменно совершала в полном составе, ошеломляя внезапностью нападения и грозным воем, потрясающим горы, не делая при этом никакого различия между ночью и днём.

Надеюсь, теперь вам понятно, почему Серебрянко так страстно мечтал обрушить скалу и уничтожить кровожадных хищников. Избавиться от них было бы для него невероятным счастьем, потому что уже на следующий день волки чуть было не застигли его врасплох на одной укромной полянке, где Серебрянко обкусывал венчики горных цветов. Козлёнок не слышал волчьих шагов, но чутьём ощутил приближение хищников и вовремя бросился бежать. Он нёсся как сумасшедший. Не разбирая дороги, тропинок, летел куда глаза глядят. Он мчался во весь дух, а за ним мчались волки. Не раз казалось козлёнку, что он упадёт, что силы оставят его...

И вдруг он почувствовал, что больше никто не гонится за ним.

Это было очень странно...

Может быть, на этот раз волки были не слишком голодны, может быть, их увлекла за собой новая жертва, попавшаяся им на пути.

Как бы там ни было — он был спасён!

Под ласковыми лучами солнца горы радостно преображались, расцвечиваясь самыми невероятными красками.

Однажды таким вот ярким осенним днём, а вернее, утром Серебрянко вышел на большую поляну, озарённую солнцем. Ему хотелось есть. Он вышел осторожно, как всегда, как учила его мать, как научили его горы. Как велели ему обычаи его племени.

Он был один.

Один на этой поляне, хотя ему и казалось, что он один во всём мире, – такая тишина царила в то утро в горах.

Угомонились птицы.

Притихли лесные звери.

Под ногами у Серебрянко шуршала засохшая трава и облетевшие листья. Где-то невдалеке глухо проворковал голубь. Ему ответил второй, потом сразу несколько, как бы задавшись целью разбудить этим утром горы.

Серебрянко не спеша обходил поляну.

От одного цветка к другому.

От одного пучка травы к другому.

Он часто останавливался, прислушиваясь к тишине, которая подчас может грозить бедой. Но нигде не было слышно ни звука.

Как вдруг страшный грохот разорвал тишину.

И грозно прокатился по лесу.

Выстрел!

Серебрянко с головы до ног обсыпало землей. Пуля вонзилась в землю у него под ногами. Козлёнка снова выручила его счастливая звезда. Ведь пуля могла поразить и его. И это был бы конец.

Следующий выстрел не застал Серебрянко на месте.

Он услышал его на бегу.

ВЫСТРЕЛ В ТИШИНЕ

Осень заявила о себе дождями и ветром. И снова завяла трава и листья облетели с деревьев, и ветер разметал их по горам. Ударили заморозки и погубили последние горные цветы. И для косуль настали трудные времена. В поисках скудного корма Серебрянко вынужден был долго скитаться по лугам и долинам. Когда-то ещё попадётся ему травинка или сладкий цветок.

Над горами всё чаще собирались тяжёлые облака, плотная завеса белых туманов всё чаще заволакивала окрестность.

Но всё же солнце ещё не утратило прежней силы.

Внезапно вырвавшись из плена облаков, солнце припекало землю, так что даже самые отчаянные неженки, совсем уж было решившие не вылезать из норок до весны, соблазнившись теплом, покидали свои землянки, подземные лабиринты и катакомбы.

И всё же успел заметить краем глаза, как на краю поляны из кустов появился человек и, подняв вверх своё ужасное оружие, выстрелил ему вслед, и пуля прожужжала где-то рядом.

Но Серебрянко уже мчался сквозь лес.

Он нёсся стрелой, лавируя между сосен, он летел во весь опор, и сердце бешено колотилось у него в груди.

Эхо последнего выстрела долго не смолкало в горах, громыхая где-то в ущельях и теснинах.

С деревьев с шумом срывались испуганные птицы.

Пройдя на волосок от Серебрянко, смерть на этот раз миновала его.

Но, взглянув ей в лицо, козлёнок узнал о существовании грозной опасности, обладающей способностью молниеносно настигать свою жертву, и перед этой опасностью бледнела страшная слава волков.

До сих пор козлёнок считал людей своими друзьями. Люди кормили его. Поили. Люди баловали его, люди с ним играли. Люди дали ему имя, и он

привык отзываться на него и с восторгом бежал на зов своих любимых друзей. Но оказалось, что и среди людей встречаются враги.

Это было невозможно понять.

В тихом лесу появился человек, державший в своих руках смерть. Невидимый и неслышный, он может возникнуть на любой поляне, появиться из-за дерева, из-за камня, из-за куста. Как предотвратить беду, как вовремя обнаружить присутствие грозной опасности? Кто знает, повезёт ли Серебрянко в другой раз?

Не в силах ответить на все эти вопросы, козлёнок принял пока что твёрдое решение никогда не ходить на ту поляну, где появился человек с ружьём, и весь тот край обходить стороной.

Время шло, и в лесу всё чаще раздавались выстрелы.

И от каждого выстрела сердце козлёнка сжималось тоской и страхом.

Теперь они не были для Серебрянко загадкой, и он долго-долго прислушивался к раскатистому гулу эха, умиравшему где-то в горах. И беспокойно озирался на каждый шорох, и чудилось ему, что вот-вот снова грянет выстрел, и вспыхнет молния, и разорвётся где-нибудь рядом в кустах. И пуля провизжит у самого уха его и взметнёт под ногами землю, если только не угодит прямо в цель.

Так прошла осень и наступила зима. Вторая зима в жизни нашего друга.

Первый снег захватил врасплох Серебрянко и тысячи других зверей и зверушек. Но, на счастье лесного народа, он скоро стаял. И сколько бы раз ни выпадал в эту зиму снег, он недолго лежал на земле.

Зима была на редкость мягкая и на сей раз избавила горы от бешеных порывов северного ветра, воя

снежных бурь и лютых морозов, от которых трещит сердцевина в груди старых буков и древних елей. Такая погода была сущим спасением для нашего козлёнка. Так же как и для всего его племени.

То-то счастье выпало лесному народу!

Такой благодатной зимы не помнили горы.

В ту зиму даже медведи — известные сони — не залегли в свои берлоги и разгуливали по лесу вплоть до самого января. Да и кому ж охота забираться в тёмную берлогу в такую теплынь. Снег выпадал и быстро таял. И только на самой вершине горы снег прочно улёгся на зиму, и солнце не смогло его растопить. Но лесным жителям до него и дела не было.

Настоящий снег выпал в январе, и только тогда медведи завалились в зимнюю спячку. Но спать им осталось недолго, и ещё много лет спустя вспоминали косолапые об этой удивительной зиме.

А Серебрянко? Куда бы он делся в суровую зимнюю стужу, когда из-под толстого снега невозможно извлечь ни единой травинки? А над горами бушуют ледяные ветры? И волки гонятся по пятам? И тысячи других невзгод, от которых нет спасения в горах, преследуют козлёнка. У кого бы просил он приюта? Конечно, у деревенских ребят. Но зима была тёплой и мягкой. И хотя козлёнка часто тянуло проведать своих добрых друзей, о которых он всегда вспоминал с благодарностью, невольная мысль о том человеке, который держал в руках смерть, останавливала его. Он не мог без ужаса вспомнить о нём. Ведь там в деревне тоже живут люди, и кто знает, какую встречу готовят они ему?

Так прошла зима.

Прошла без голода.

И без особых происшествий.

И СНОВА НАСТУПИЛА ВЕСНА

Клейкие зелёные листочки и тёплое солнце принесли с собой радостную перемену всем, кто перезимовал в горах, и снова в траве и на деревьях поднялась весёлая возня, а на лесных полянах зазвучали песни.

Вылезли на солнце змеи.

Выползли большие и маленькие ящерицы.

Зажужжали пчёлы и жуки.

Вернулись перелётные птицы.

А у Серебрянко выросли новые рога. Крепкие, острые и длинные рога. И он ощутил в себе прилив неведомых сил и тревоги. С приходом весны Серебрянко утратил покой и без устали рыскал по горам и долам, не давая себе отдыха ни днём, ни ночью и ощущая в себе неукротимую жажду вступить в бой с первым встречным – ему не терпелось показать свою силу. Он бродил по зелёным лугам, продирался сквозь лесную чащу, обходил поляны и родники, и везде его встречали восторженные возгласы:

— Посмотрите, какой красавец!

— Посмотрите, какой герой!

И правда! Никто из молодых соперников, вышедших в ту весну померяться друг с другом своей силой и красотой, не мог сравниться с юным обладателем серебристой шкурки и, разумеется, не только из-за неё.

Так уж повелось у них в горах. Старики с каждым годом дряхлели. А молодняк, подраставший к весне, по обычаю горного племени косуль, должен был в открытом бою стяжать себе славу непобедимого. И вот, наконец, настал черёд и нашему герою выйти на состязание. И прежде всего доказать свою силу, ибо суровые обычаи горного племени ценят силу превыше всего. И каждую весну приветствуют нового победителя жестоких состязаний, и прославляют его, и восхищённо шепчутся у него за спиной:

— Вот он! До чего же он красив!

— Вот он! До чего же он хорош!

Знаменитые состязания должны были состояться на большой поляне возле холодного и прозрачного источника. И не было в горах, а может быть, и за их пределами, такого уголка, куда бы не проникла весть о предстоящем сражении. Попытать в нём счастья собирались юные претенденты со всего леса. Так было из года в год. Каждой весной. И мирная поляна превращалась тогда в арену затяжных и жестоких боёв. Иной раз они продолжались по нескольку дней. Не прекращаясь и ночью. До тех пор, пока самый сильный не выходил победителем.

Пока разгорячённые соперники яростно атаковали друг друга, многочисленные четвероногие и пернатые хищники, притаившись в кустах, в траве и на деревьях, жадными глазами следили за ходом сражения в предвкушении богатого угощения, которым неоднократно завершался его исход. Ибо смертельно раненным соперникам не раз случалось остаться на поле брани. Иные из них, истекая

кровью, уползали в лес. И тогда по их кровавому следу крались мелкие зверюшки, алчущие крови, но не решавшиеся напасть до тех пор, пока бездыханное животное не рухнет замертво на землю.

Однако их терпение вознаграждалось далеко не всегда.

Нередко к кровавому пиршеству слетались орлы.

Сбегались волки.

Или другие хищные звери. Они старались выскочить на поляну в разгар сражения или под конец. И вы, конечно, можете вообразить, чем грозил их внезапный налёт.

Порой из голубых просторов неба на ослеплённых гневом соперников обрушивались орлы, и тогда победители сами становились жертвой.

Но страшнее орлов были свирепые волки.

Вот что творилось весной в том лесу.

Вот что творилось каждой весной на той самой поляне, на которой однажды утром, задолго до восхода солнца оказался Серебрянко.

И не успел он ступить на её зелёный ковёр, как уже кинулся в драку. Его вызвал на поединок рослый и сильный козёл, незадолго до этого легко расправившийся со своим противником.

В первый момент Серебрянко слегка оробел, но сейчас же собрался с духом и, приняв вызов, ринулся на козла. Первый удар — и противник упал на колени. Но быстро вскочил и бросился в ответную атаку, и бой начался. Козлы наносили друг другу страшные удары и ожесточённо отбивались. Бой шёл с переменным успехом.

Это была упорная битва. Противники проявили чудеса выдержки и стойкости. Взошло солнце и уже успело подняться над горами, когда противник Серебрянко, в очередной раз припав на колени,

не смог подняться с земли. Он не был ранен. Но вынужден был признать себя побеждённым.

Серебрянко гордо стоял над своим поверженным противником.

Он торжествовал победу.

Первую победу, одержанную им в горах.

Лес огласил птичий гомон и слитный гул звериных голосов.

О чём оповещали они лес? Серебрянко был уверен, что они славили его победу.

Но не успел герой прийти в себя после одержанной победы, как на поле брани выскочил новый противник.

Крупный козёл, согнув шею и выставив вперёд острые рога, мчался через поляну прямо на нашего друга. Серебрянко развернулся и кинулся наперерез противнику. Они носились по поляне, неутомимые и злые. Они бесстрашно кидались в атаки. И снова Серебрянко вышел победителем, одолев своего самоуверенного противника, столь нахально выскочившего на поляну. Тот пустился наутёк, а птицы громкими криками провожали беглеца. Неизвестно, долго ли он бежал и где остановился. Однако можно с уверенностью сказать, что это был его последний поединок.

Серебрянко не стал преследовать труса, потому что на него уже нёсся новый разъярённый козёл. Однако, не выдержав первого столкновения, он повалился на землю. И сейчас же сдался, не в состоянии продолжать борьбу.

К несчастью, это всё ещё был не конец.

Но это было утро необыкновенного дня.

Оно родилось для того, чтобы принести Серебрянко громкую славу героя, который вслед за первыми тремя победами, выиграл ещё две битвы и остался на поляне один. И когда после этого Сереб-

рянко прошествовал лесом, за ним следом шла его слава, завоёванная им в то утро.

Никто не увенчал победителя гирляндой цветов.

Но все эти церемонии вовсе не нужны в лесу. Весть о славной победе Серебрянко молниеносно разнеслась по горам, и косули безошибочно узнавали своего героя и говорили, указывая на него:

— Вот он! Не вздумайте чем-нибудь его рассердить. Ни один козёл во всём лесу не может сравняться с ним силой.

Необыкновенная масть Серебрянко всюду выдавала знаменитого героя, и его узнавали в самых отдалённых уголках леса. В тот год ни у кого больше не было такой серебристой шерсти. Она очень редко встречается у косуль.

После знаменитых состязаний Серебрянко окончательно уверовал в свои силы. Когда всё было кончено, он с изумлением стал спрашивать себя:

«Неужели я мог всё это совершить?»

Но сомнения в этом не было.

Весь лес восторгался его подвигом.

Весь лес знал о его победе.

ЖЕРТВА БУРНОЙ РЕКИ

Однажды ранним утром, когда в лесу проснулись первые птицы, бродя по лесу и пощипывая траву, Серебрянко подошёл к самому краю глубокого ущелья. Он хорошо знал этот край, но никогда здесь долго не задерживался. Не нравилось ему это место. То ли пугали его отвесные скалы, по которым вниз не рискнул бы спуститься самый ловкий зверь, то ли зловещий рёв воды, мчавшейся по дну ущелья. А может быть, какое-то странное чувство, в котором он и сам не мог бы дать себе отчёта.

Всё лесное зверьё обходило ущелье стороной.

А так как горные козлы со своими подругами тоже не жаловали этот глухой уголок, лесные поляны здесь изобиловали богатым кормом. И не было во всём лесу слаще цветов и сочнее травы, чем на этих укромных полянах.

Серебрянко неторопливо пощипывал зелёную травку, продвигаясь по самому краю обрыва.

Время от времени он останавливался.

Время от времени заглядывал в глубину ущелья, туда, где шумела река, в которую смотрелись последние звёзды, догоравшие на безоблачном небе.

По горам скользили тени, всё громче раздавались птичьи голоса.

И вдруг на поляну бурой тенью метнулся волк — один из «отчаянной семёрки». Братьев с ним не было. Видно, он давно уже блуждал по лесу. Может быть, повздорил с братьями или просто так захотел прогуляться один. Впрочем, нашему другу это было решительно безразлично.

Серебрянко обнаружил волка в тот самый миг, когда бежать уже было поздно и, главное, некуда. Ему оставалось только одно — кинуться на волка. А это значило добровольно кинуться в объятия смерти.

Вдруг волк замер на месте. Может быть, что-то поразило его. Может быть, он готовился к прыжку. Так они стояли, впиваясь друг в друга глазами и как бы меряясь силой. Но силы их были явно неравны. А жертва намечена. Серебрянко был бессилен против молодого свирепого хищника, известного своей жестокостью. Что ожидало юного победителя с серебристой шерстью, зажатого в ловушке между бездонной пропастью и кровожадным зверем?

«Это конец. Смерть», — мелькнуло у него в голове.

Но случилось то, чего никак не мог ожидать Серебрянко.

Такое едва ли случается раз в сто лет, а может быть, совсем никогда не случалось в горах. В этой молниеносной схватке пал волк — матёрый хищник и скотоубийца.

Выждав ещё мгновение и решив, что его взгляд уже успел произвести своё магическое действие, волк с победным воем ринулся на козла. Он рассчи-

тывал в один прыжок настичь свою жертву и вонзить в её тело страшные клыки. Но Серебрянко, который до тех пор в растерянности стоял напротив волка, с неожиданной силой рванулся ему навстречу. Он выставил вперёд своё единственное оружие. Рога. Стальные острые рога. И, прежде чем волчьи челюсти успели сомкнуться на его загривке, горы потряс ужасный вопль. Поддев волка рогами, Серебрянко одним мощным рывком сбросил хищника в пропасть. Откуда-то снизу, из глубины ущелья, до него донёсся глухой звериный вой. Волк летел, цепляясь за острые выступы скал, увлекая за собой груды камней, а в глубине ущелья его поджидал ледяной поток, бешено мчавшийся по камням. Сейчас он подхватит свою жертву и потащит невесть куда. В какой-нибудь адский водоворот. Или вниз, в долину, где течёт широкая река. Впрочем, лесное зверьё так никогда и не узнало, куда утащила волка река. Зато все они с радостью узнали о том, что в то утро они избавились от одного из семи ненасытных хищников! То-то было радости у лесного народа! . . . .

А Серебрянко несколько мгновений неподвижно стоял над краем пропасти, не в силах поверить в этот дивный сон. Ему всё ещё чудилось, что страшный хищник выскочит из пропасти и снова кинется на него.

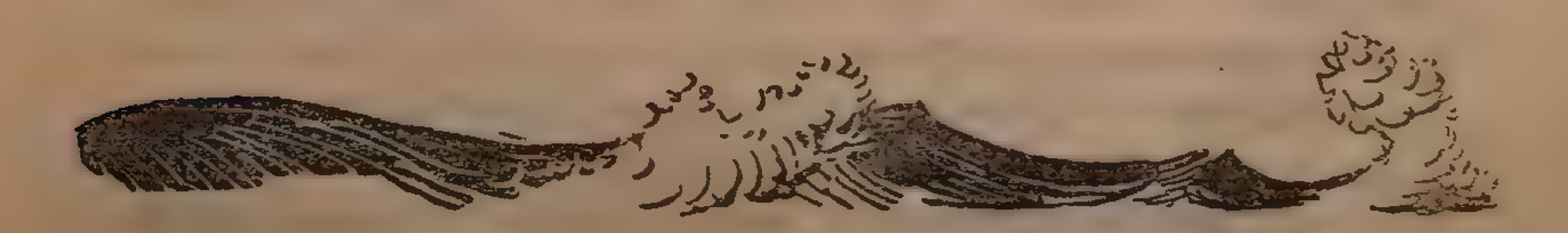
И только услышав прощальный волчий вой, потрясший ущелье, Серебрянко очнулся и, вздрогнув всем телом, бросился со всех ног подальше от этого проклятого места.

Это было единственное, на что ещё он был способен.

Он бежал до тех пор, пока не изнемог от усталости, и вот тогда-то, приостановившись на мгновение в густой чаще леса, он окончательно убедился в том, что злосчастное ущелье с волчьим воем осталось далеко позади, навсегда поглотив одного из его смертельных врагов, который никогда уж не будет рыскать по здешним лесам, наводя ужас на их обитателей.

Счастье и на этот раз не изменило Серебрянко. Наш юный друг был настоящим счастливчиком.

Он растянулся в траве и тут же заснул тревожным и чутким сном. Сквозь сон Серебрянко слышался вой волков. Он просыпался, но кругом была тишина. Потом Серебрянко снилось, будто его преследуют волки — сто, а может быть, бо̀льше; сто волков с ощеренной пастью и налитыми кровью глазами. Вот уже волки настигают его, а у него нет сил бежать и некуда бежать. И Серебрянко метался во сне, что было вовсе не мудрено после всех событий того утра.

Пока он спал, слух о его новом подвиге с быстротой молнии облетел горы, и перед этим подвигом померкла слава всех прочих героев.

Четвероногие глашатаи мчались во все концы леса, и скоро все звери знали о том, что случилось на краю зловещего ущелья. Недаром говорится, что в лесу невозможно уберечь ни одну тайну. Хотя, казалось бы, никто не видел короткой схватки Серебрянко с волком и не слышал предсмертного волчьего воя.

Так Серебрянко снова прославил свои горы.

До сих пор его племя знало много печальных историй, герои которых пали в неравных схватках с волками. Косули неизменно выступали в них в роли жертв, волки – в роли жестоких преследователей. Теперь они могли гордиться историей совсем другого рода. Она должна была навечно сохраниться в памяти звериного народа живым напоминанием о том, что и в лесу тоже нет непобедимых.

Но если погиб один из семи братьев, то шестеро ещё оставалось в живых.

Неизвестно, от кого узнали они о гибели брата, зато все могли видеть, как метались по лесу шесть братьев и жутко выли; такого зловещего воя никогда раньше не слышал лес.

И сотни мелких зверушек, заслышав этот вой, дрожали от страха, забившись в свои норы и там не чувствуя себя в безопасности. Казалось, волки грозно предупреждали жителей леса:

«Не забывайте о нас! Мы тут! Мы живы!»

После гибели брата волки совершали налёты, движимые скорее чувством мести, чем голодом. С особенным остервенением истребляли они косуль. Возможно, они охотились за Серебрянко? Или злые ветры были причиной их бешенства? Многие решительно утверждали, что волки пользовались

услугами наёмных шпионов. Шпионы рыскали по лесу, обнюхивая лужайки и кусты, они проникали в поисках Серебрянко в непроходимые дебри леса. Обнаружив его, шпионы мчались с донесением к волкам, и те мгновенно пускались по следу и, конечно, давно бы уже настигли Серебрянко и растерзали его в клочки, не будь у него верных и преданных друзей, не будь весь лес на стороне молодого героя. Каждый раз, когда волки поднимались в погоню, друзья успевали предупредить Серебрянко.

Они будили его среди ночи.

Они охраняли его сон.

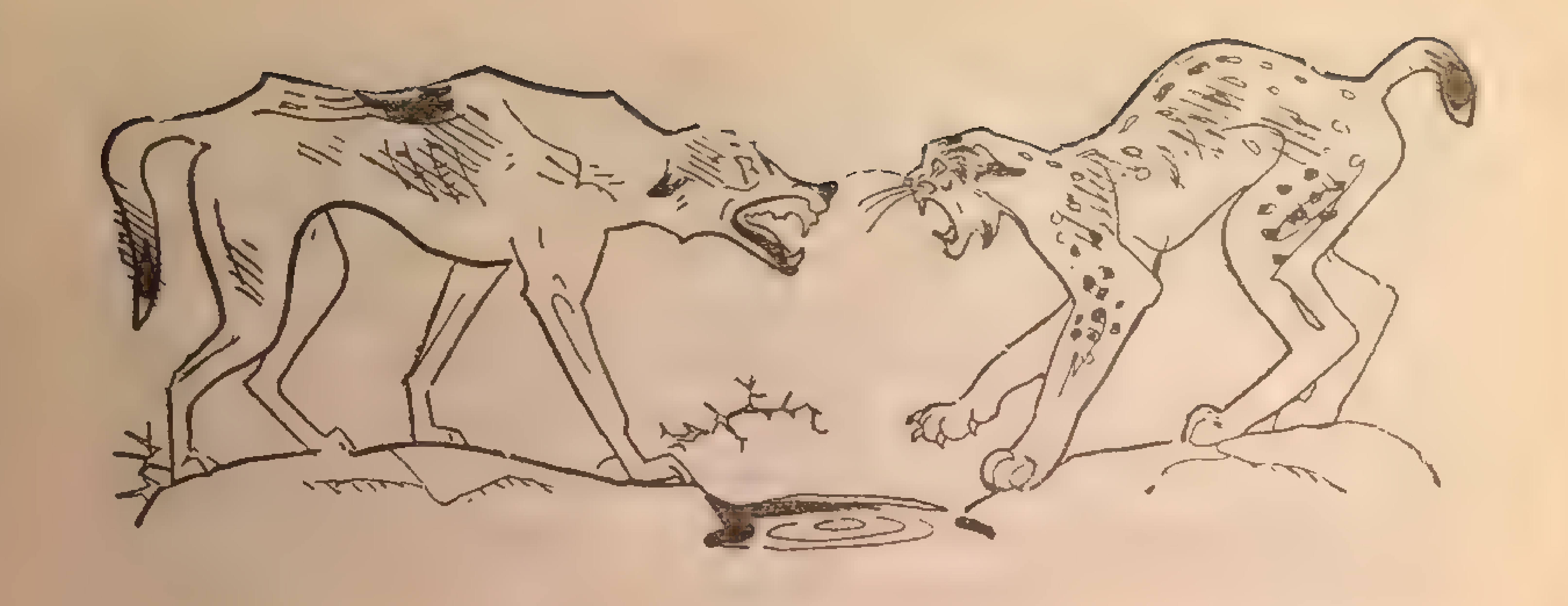
И волки неизменно являлись слишком поздно.

Эта жестокая травля повторялась ежедневно и еженощно, поражая своим упорством окрестные и дальние горы. Незримые друзья Серебрянко наводили волков на ложный след. Они гоняли их по кручам, где никогда не хаживал Серебрянко, а может быть, и ни один его собрат.

В этом состязании принимал участие весь лес.

Оно было кровным делом каждого.

Так пришло лето. Но в один прекрасный день всё неожиданно изменилось.

ПОЖАР В ЛЕСУ

В лесу возник пожар.

Причина этого несчастья, как это часто бывает в лесу, так и осталась неизвестной.

Может быть, виною всему пастухи, которые разложили костёр и ушли, позабыв его потушить, может быть, случайный путник. А может быть, что-то другое. Несомненно было одно — по какой-то причине лес загорелся, и это вызвало в лесу невероятную панику.

Может быть, в этом больше всего виновато было жаркое лето.

И немилосердное солнце, иссушившее землю, и безоблачное небо, и знойные ветры.

Пересохли источники, некогда полноводные ручьи узкой струйкой пробирались по каменистому руслу, а большая река так обмелела, что еле покрывала дно.

Почуяв засуху, всполошилось лесное зверьё.

Без воды нет жизни.

Без воды нет веселья.

Без воды не слышно песен.

И снова, как это уже случалось не раз, в горах началась погоня за водой. Чуть приметными и вовсе не заметными тропинками, хожеными и нехожеными стёжками, пробираясь в высокой траве, сквозь кустарник, через каменные осыпи, через косогоры и долины, нескончаемой чередой шли на водопой диковинные вереницы зверей и зверюшек. У воды шла отчаянная война с круглосуточными осадами, с кровопролитными битвами и жертвами: воды было так мало, что добраться до неё и утолить жажду мог только самый сильный. Однако победители ежеминутно сменяли друг друга: едва один успевал прорваться к воде, как появлялись новые жаждущие и прогоняли завоевателя.

Жажда мучила всех.

Трава высохла.

Высохли листья.

В накалённом воздухе не было ни капельки влаги.

Ни днём, ни ночью в лесу и в полях не умолкал умоляющий стон:

— Воды! Воды!

А солнце палило и жгло.

Жара с каждым днём становилась всё более нестерпимой.

Дышать было нечем.

Но самое страшное было впереди.

В этот безводный год, когда за всё лето не выпало ни одного дождя, на лес обрушилась ужасная беда.

В лесу начался пожар.

Пламя жадно захватывало всё новые пространства.

Пламя волнами катилось по земле.

Пламя взмывало к небу, как бы норовя и его спалить дотла.

Пламя бесстрашно взбиралось на самые верхушки мачтовых елей и сосен, оно перекидывалось через поляны и луга. Красной змеёй, не ведающей преград, пробиралось сквозь чащу высокой травы. Вслед за огнём шёл дым — густой, удушливый дым, плотной завесой заволакивая окрестность, небо и солнце.

Объятый ужасом, лесной народ в панике бежал, спасаясь от огня.

Бежали большие и малые звери, крылатые и бескрылые, а вместе с ними убегали жители подземелья, выгнанные из норок огнём. Огонь и дым проникали в каждую щель. Столетние лесные исполины превращались в уголь и пепел, и камень трескался от жары.

С деревьев и кустов, внезапно охваченных пламенем, срывались стаи огненных птиц. Несчастные метались над лесом, напоминая живые факелы. Воздух оглашали предсмертные крики гибнущих птиц. Целые стаи горящих птиц вырывались из зарослей, но огненный полёт их был недолог и, вспыхнув в воздухе фантастическим фейерверком, тут же гас.

Бескрылым обитателям леса приходилось и того хуже — ведь они не имели возможности взмыть в небеса, недоступные красным языкам клокочущего пламени.

Бескрылые спасались бегством.

Бескрылые носились по лесу в поисках спасения.

Но безжалостное огненное чудовище настигало их на бегу, оно преграждало им путь, и звери в ужасе кидались обратно, тщетно надеясь вырваться из окружения.

Но это удавалось далеко не всем.

Безжалостное кольцо огня смыкалось вокруг беглецов.

Звери сбивались гурьбой на полянах и в мелколесье, в местах, будто бы не доступных огню. В местах, где, казалось бы, они могли считать себя в безопасности. Но таких безопасных мест было мало в лесу. Подобно войску, берущему неприятеля в неумолимые тиски, двигался страшный огонь, испепеляя и уничтожая всё на своём пути.

Случалось, что, настигнутые пожаром, в кучу сбивались лютые враги. Потому что медведи и волки, лисы и зайцы, дикие кошки и белки, косули и кабаны, слабые и сильные – все одинаково боялись огня. Можно вообразить, какая невероятная компания собиралась порой на полянах, окружённых пламенем пожара.

Звери с боем отвоёвывали себе клочок свободного пространства, клочок земли.

Непрерывный стон и рёв стоял в те дни над горами.

За всю свою историю не помнили горы ничего подобного.

Никогда на крошечном клочке земли не теснилось столько насмерть испуганных зверей. Поняв, что спасения нет, обезумевшая разномастная звериная толпа кидалась напролом сквозь завесу пепла и дыма, на прорыв огненного кольца. Многие находили тут конец. А случалось, и все.

Пламя поглощало свои жертвы, исторгая торжествующий рёв.

Пламя всё ширилось, пламя могла остановить только вода.

Лес переживал поистине трагические дни.

И, конечно, все, кто в нём обитал.

К счастью, нашему Серебрянко, в отличие от многих сотен его соплеменников, в отличие от многих сотен других жителей леса, удалось уйти от огня целым и невредимым.

Как? Да он и сам этого не знал.

Ведь его спасение в те дни почти целиком зависело от быстроты его ног, и Серебрянко бежал, он бежал наугад, бежал из последних сил, одержимый одним желанием — как можно дальше уйти от огня.

Но беспощадное пламя преграждало дорогу беглецу, и Серебрянко бросался назад и, убедившись, что путь свободен, снова мчался, пока его несли ноги.

Стоило Серебрянко хоть раз угодить в огненный обруч, и его судьба была бы решена. Но ему повезло. Недаром ведь нашего Серебрянко называли счастливчиком. Он продержался до той минуты, когда пожар потушил непримиримый враг огня — вода.

Внезапно над горами сгустились свинцовые тучи и хлынул спасительный ливень.

Сверкали молнии. Громыхал гром.

Дождь хлестал как из ведра, словно бы поклявшись не прекращаться до тех пор, пока пожар не захлебнётся водой. Дождь шёл несколько дней и ночей подряд, и с необозримых чёрных лесных пожарищ вместо огня к небу потянулись столбы дыма.

Долго боролись огонь и вода.

Но вода оказалась сильнее.

Вода одержала победу, в качестве страшного напоминания о недавнем пожаре оставив чёрные пепелища, подобные чёрным ранам.

Пожар, уничтоживший целые лесные массивы, до неузнаваемости изуродовал местность. Однако сейчас, когда наконец миновала смертельная угроза, звери не обращали на это внимания. Ведь уцелевшего леса было вполне достаточно для того, чтобы все жители от мала до велика могли в нём свободно расселиться. И найти себе пропитание и удобное жильё.

Не успел затихнуть ливень, как лес оживился, и звери позабыли про недавний пожар, как до сих пор забывали они многочисленные невзгоды, которые пришлось им пережить.

Серебрянко тоже быстро позабыл пожар.

Хотя многие его любимые лужайки и были уничтожены огнём, он находил другие, где была не менее сочная трава и приятное общество. Окрестности заброшенной крепости пожар почти не тронул. Серебрянко отыскал своё старое жильё в зарослях дикого винограда и всё чаще наведывался туда.

Когда он в первый раз после пожара решил навестить своё жилище, его приветливо встретила старинная его приятельница – сова. И Серебрянко охватило знакомое чувство радости и покоя, которое всегда испытывал он, возвращаясь в родные места. Какое счастье, что огонь пощадил и крепость, и лес, примыкавший к ней, и весь этот цветущий уголок. И Серебрянко понял, что ему надоело

скитаться по лесам. Нигде не жилось ему так привольно, как здесь. И он обосновался в своём старом жилье. По соседству с ним обитали друзья его детства — он видел их, затаившихся на деревьях, в траве, в крепостных стенах. Они по-прежнему охраняли покой Серебрянко. Они по-прежнему не смыкали глаз, карауля его сон.

— Тревога! Тревога! — в случае опасности кричала сова, громко хлопая крыльями.

— Тревога! — подхватывали её крик сотни других голосов.

Но после пожара в лесу воцарился удивительный мир и покой и долгое время не было решительно никаких происшествий. Лес выздоравливал, словно больной, а его обитатели, разметавшиеся по свету, постепенно стекались к своим насиженным гнёздам.

Только волки исчезли.

Точно в воду канули.

Да живы ли они?

И лесная мелюзга, которую, бывало, жуткое завывание хищников загоняло поглубже в их подземные норы, теперь предавалась радужным мечтам о том, что шестеро братьев безвозвратно пропали в дыму и огне.

Это было так похоже на правду.

Многие сотни благородных и мирных обитателей леса именно там нашли свою смерть.

И было бы очень странно, если бы пламя пощадило злобных хищников.

А тут ещё объявились сомнительные свидетели, которые кричали в один голос:

— Волки погибли! Погибли!

Они рассказывали всем, что волки сгорели, настигнутые огнём в чаще леса, сквозь которую они продирались в отчаянной попытке вырваться из плена огня.

— Волки погибли! — пронеслась по горам радостная весть.

И лесное зверьё облегчённо вздохнуло.

А Серебрянко обрадовался этой вести больше всех.

Почувствовав себя свободным, Серебрянко с новой силой ощутил прелесть беззаботной жизни, не омрачённой постоянным преследованием и голодным воем разъярённых хищников. После ужасов пожара и всех тревог он мог, наконец, наслаждаться спокойной жизнью в своём старом жилье под стенами разрушенной крепости.

Но радость нашего друга была преждевременной.

Волки свалились на него как снег на голову.

Они объявили о своём приходе угрожающим воем, который заставил содрогнуться горы.

И самого Серебрянко.

ОТЧАЯННАЯ ПОГОНЯ И НЕОЖИДАННЫЙ КОНЕЦ

Поначалу волки не трогали Серебрянко. Никто не знал, что у них на уме, — может быть, пожар образумил хищников и они решили оставить его в покое. Время от времени они производили свои опустошительные набеги на лес и снова надолго исчезали.

Подошла осень.

На землю, кружась, упал первый лист.

Дикие груши и яблоки попадали с веток на опалённую первыми заморозками траву. За ними с кустов осыпались жёлтые орешки. Трудолюбивые и заботливые лесные зверьки, готовясь к длинной зиме и морозам, усердно запасались продуктами.

Самыми хозяйственными, как и всегда, оказались весёлые белки.

Белки были вездесущи и неутомимы. Они хлопотливо сновали по деревьям, таща в своё жильё

очередную добычу. То лесной орех. То шишку. Словом, всё, что попадётся. Лишь бы побольше съестного набить в заветный тайничок — где-нибудь в дупле или под корнями.

Впрочем, не одни только белки взялись за дело — зашевелились ворчливые барсуки и проворные мыши, зашевелились целые армии зверьков. Глазам внимательного наблюдателя в те дни открылась бы поистине удивительная картина. Казалось, горы спешно готовились к войне и обороне и всё пришло в движение. Война. А в самом деле, разве зима не объявила им войну? Ну конечно. Самую настоящую войну. И, готовясь отразить её первый натиск и выдержать осаду, которая может затянуться на долгие месяцы, звери приводили свой дом в полную боевую готовность.

Орехов в тот год уродилось на диво. А уж это верная примета — быть морозной и длинной зиме.

То же самое подсказывал лесному зверью безошибочный инстинкт.

Только наш Серебрянко не испытывал пока что никакого страха перед надвигавшейся грозной зимой. Он принадлежал к такому племени, которое не делало запасов на зиму. И Серебрянко безмятежно наслаждался ласковым солнцем и чувствовал себя в ту осень таким сильным, как никогда.

Но волки, заклятые его враги, не шли у него из ума. Он знал, что они следят за ним и когда-нибудь ещё им предстоит столкнуться, хотя и не мог предвидеть, чем это кончится.

И не ошибся.

Однажды на рассвете волки подкараулили Серебрянко на лесной лужайке, с которой поднимался утренний туман.

Так началась погоня, которой отродясь не видывал лес.

Серебрянко летел впереди.

За ним гнались волки, исполненные решимости во что бы то ни стало нагнать свою жертву, хотя бы для этого и надо было пересечь все луга и леса на белом свете.

Отчаянная погоня началась.

Это был поединок не на жизнь, а на смерть, и Серебрянко это прекрасно понимал.

И не только он один. Это понимали все, кто видел, как волки подкрались к лесной лужайке, это понимали все, кто слышал их зловещий вой.

Ни густые заросли, ни туман не могли больше скрыть от волков Серебрянко.

И самые верные друзья были бессильны ему помочь. Его могли выручить только быстрые ноги и смекалка.

Но волки тоже были достаточно сильны и быстроноги, и обмануть их было не так-то легко. К тому же Серебрянко был один, а волков было шестеро. Шестеро матёрых хищников, какие не часто рождаются в горах. Шестеро волков, охваченных жаждой мести.

Но Серебрянко не терял надежды на спасение и прежде всего попробовал сбить с толку своих преследователей и замести следы.

Он перескакивал через ручьи и овраги, скрываясь за клубами тумана, которые перекатывались по горам, — всё напрасно. Волки быстро отыскивали след и продолжали погоню.

Порой Серебрянко чудилось, что он ушёл от волков. И Серебрянко радостно приободрялся. Но ненадолго. Продолжая оставаться невидимыми, его преследователи выдавали себя запахом, чуть слышным завыванием и шорохом потревоженных листьев.

Серебрянко прекрасно изучил свои горы.

Никто из его товарищей не знал столько лужаек, тропинок и заповедных уголков.

Куда только он не забирался.

Какие только места не облазил.

Может быть, именно потому Серебрянко и решил искать спасения на самой вершине горы, там, где вечно громоздятся облака и гуляют ветры. А может быть, где-нибудь за хребтом, там, куда волки никогда не добирались?

Серебрянко взлетал вверх по крутым склонам, мчался стрелой через долины, целиком положившись на выносливость своих ног.

Давно уже начался день, а погоня была ещё в самом разгаре.

Солнце изредка выглядывало из тумана — лишь для того, чтобы глянуть краешком глаза на то, что творится в горах, и снова скрыться.

Сколько раз уже казалось Серебрянко, что он не выдержит и рухнет на землю. И больше не встанет. Останавливаясь передохнуть и прислушаться, он чувствовал, как неодолимо влечёт его земля, как хочется ему вытянуться в траве. Хотя бы на одну минуту. Но грозные преследователи опять напоминали о себе. И Серебрянко, собравшись с силами, снова скакал по горам.

Вдруг он вырвался из пелены тумана. И очутился на самой вершине горы. В сиянии яркого солнечного дня, не омрачённого ни единым облачком, ни единой прядью тумана.

И вдруг случилось нечто такое, чего никто не ожидал.

Невероятный грохот потряс горы. Затрепетали деревья, вздрогнули камни, а где-то глубоко под землёй что-то странно ворочалось, клокотало и громыхало с нарастающим гулом. Так и чудилось, что от этого грохота обрушатся горы и их поглотят

мрачные недра земли. Поглотят навек. А чёрный провал, открывшийся под ними, со временем, возможно, наполнится водой и образуется новое озеро, а может быть, и море. Но это только так чудилось.

Горы незыблемо стояли на месте.

А страшный грохот затих так же внезапно, как начался. Зато набухшая вершина горы вдруг как бы лопнула и стала стремительно расползаться, открывая зияющую расселину. Эта расселина отрезала Серебрянко от волков, оказавшихся по ту сторону внезапно образовавшейся щели. Волки остановились как вкопанные. Пропасть, разверзшуюся перед ними, невозможно было ни перескочить, ни обойти.

Волки взвыли от бешенства.

В бессильной злобе они скрежетали зубами. Горящие волчьи глаза метали молнии. Но не могли поразить свою жертву, которая у них на глазах скрылась в лесу. Давно намеченная жертва. И уже почти настигнутая ими. Она ушла от них в тот момент, когда, казалось, ей уже неоткуда было ждать спасения.

Между тем Серебрянко не знал, что погоня окончена. Он едва бежал. Он выбился из сил. Ноги то и дело подгибались, и он с трудом поднимался с колен.

«Конец, – подумал Серебрянко. – Это конец».

И точно в подтверждение его чувств солнце в небе вдруг померкло и в мире стало совсем темно.

И снова задрожала земля под ногами – сперва чуть приметно, потом всё сильней и сильней.

Чёрные тучи заволокли небо и солнце.

Это было так страшно. Но всё, что случилось потом, было куда страшней. Из расселины на вершине горы вырвалось пламя, – его огненный столб взметнулся к самому небу, принимая всё более

угрожающие размеры. В сгустившейся тьме сама земля, казалось, летела куда-то в чёрную бездну.

— Спасайся! Спасайся! — пронёсся крик по горам.

И всё, что могло, кинулось спасаться.

Всё живое, охваченное безумным страхом, в панике бросилось бежать. Звери убегали от страшной вершины горы, изрыгавшей пламя и дым, хотя никто из них и не знал, от чего они бегут, что происходит.

И Серебрянко побежал со всеми вместе. Теперь уж он спасался не от волков. Он убегал от неведомого чудовища, которое было страшнее всех волков на свете.

Волки тоже хотели бежать.

Но было слишком поздно.

Волки метались на вершине горы, но вокруг них плотно сомкнулось огненное кольцо, а пепел, вырывавшийся из расселины вместе с огнём, всё сыпал и сыпал на них белым тёплым снегом. Пепел запорошил деревья и землю и всё живое. Засыпал он и волков.

И, погребённые под слоем пепла, нашли, наконец, свою страшную смерть шестеро грозных хищников.

И так и остались стоять на вершине горы, умолкнув навек.

Ещё много дней и ночей подряд клокотало яркое пламя на вершине горы, а над ней клубились тяжёлые облака, из которых валил и валил белый пепел.

Но в один прекрасный день на небе снова засияло солнце.

В горах воцарилась тишина. И адский огонь уполз обратно в недра земли. И там затаился. Но никто не знал, сколько он там просидит и когда вздумает снова взметнуться к небу красным столбом.

Так в горах проснулся вулкан и потух. Но под ним продолжалась жизнь и цвела как ни в чём не бывало, как будто бы и не было никогда землетрясения и извержения вулкана. И только легенда хранила память о событиях тех страшных дней.

ОКАМЕНЕВШИЕ ВОЛКИ

А годы шли и шли. По горам всё так же гуляли ветры. Шли дожди, сыпал снег, свирепствовали бури, гремел гром. Ветер разносил пепел, его смывала вода, а на самой вершине горы, там, где некогда остановились перед расселиной волки, образовалось озеро. Вокруг озера выросли сосны, заколыхалась трава, освобождённая от пепла земля возвращала жизнь растениям и животным.

А над озером, на вершине высокой скалы так и остались стоять волки; занесённые пеплом, они давно уже превратились в камень и стояли точно такие же, какими были тогда, когда им преградило путь пылающее жерло вулкана.

Казалось, они всё ещё гонятся за Серебрянко.

Казалось, сейчас они кинутся в воду глубокого озера и переплывут его и догонят Серебрянко, хотя бы за ним и пришлось им бежать на край леса, а может быть, и на край света.

Окаменевших волков секут дожди.

Заметает снег.

А звери обходят волков стороной, потому что они не знают, что волки давно окаменели и теперь совсем не опасны.

На вершине горы по-прежнему обитают орлы.

Иногда они устремляются вниз, падая камнем с высоты на спины окаменевших волков. Орлы долбят их клювом, пока не убедятся, что бесполезно долбить холодный камень. Но как бы не веря себе, снова кидаются на волков. И всё повторяется сначала.

Над горами пролетают птицы.

И разные звери прокладывают в лесу бесчисленные тропы, а волки всё стоят неподвижные, но всё-таки страшные.

Стоят, как будто кто-то их заколдовал.

А где-то под ними в лесу, может быть, у подножия заброшенной крепости, живут потомки нашего Серебрянко.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Ахмет Хромаджич

ОКАМЕНЕВШИЕ ВОЛКИ

Ответственный редактор С. К. Беркман. Художественный редактор В. А. Горячева. Технический редактор З. М. Кузьмина. Корректоры С. П. Мосейчук и К. П. Тягельская.
Сдано в набор 1-VI 1967 г. Подписано к печати 26-VIII 1967 г. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5,6. (Уч.-изд. л. 5,15). Тираж 75 000 экз.
ТП 1967 № 492. Цена 30 коп. на бум. № 1.
Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 816.

Цена 30 коп.